

Яков Михайлович Захер

ПАРИЖСКИЕ СЕКЦИИ

1790-1795 гг.

ИХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ

Петербург: государственное издательство. 1921

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Часть первая. Политическая роль секций

Часть вторая. Внутренняя организация секций

В книге приведены 4 карты-схемы 48 секций Парижа в эпоху Революции («Число активных граждан», «Расстановка сил 5 августа 1792 г.», «Расстановка сил 10 августа 1792 г.» - по Ф.Саньяку и по Брэшу) и список парижских секций.

Тематически связанные материалы

А.Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры: народное движение и революционное правительство, 2 июня 1793 года термидора II года

А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии / Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и Революции 1848 г. Франции

А.Собуль. Революционные комитеты парижских секций

А.Собуль. Робеспьер и народное движение

А.Собуль. Секционеры и бабувисты, их социальный состав

Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры

В.Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г.

Р.Тонкова-Яковкина. Движение народных масс Парижа 4–5 сентября 1793 г. («Плебейский натиск»)

С.Абердам. Право избирать и право решать в 1793 г.

Е.Киселева. Парижская коммуна и секции 9 термидора

Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора

А.Гордон. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая – 2 июня 1793 г.

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора

Я.Захер. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора

Другие работы Я.М.Захера и материалы о нем:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jz>

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Каждый, кто читал какую-нибудь, хотя бы и не очень подробную, историю революции, не мог не встретиться с названием «парижские секции» и с большим или меньшим количеством упоминаний об их участии в событиях этой бурной эпохи», говорит проф. Н. И. Кареев в своей статье «Политические выступления парижских секций во время великой революции». И действительно, во всех, без исключения, книгах, посвященных истории французской революции, упоминается о выдающейся роли, сыгранной парижскими секциями в великой революционной драме, пережитой Францией в конце XVIII века. Но если бы, заинтересовавшись этой ролью, какой-либо любознательный читатель захотел поближе познакомиться с вопросом о том, что же представляли эти секции—он был бы поставлен в очень затруднительное положение, ибо общие истории революции об этом умалчивают, а специальной литературы, посвященной этому вопросу, почти не существует ¹⁾. Вышедшая в 1898 г. книга французского историка Меллье «Парижские секции в эпоху французской революции» и несколько статей проф. Н. И. Кареева ²⁾—вот и вся

¹⁾ Объясняется это чрезвычайной скудостью дошедших до нашего времени относящихся к секциям источников, часть из коих, между прочим, погибла во время пожара парижской полицейской префектуры, происшедшего в мае 1871 года, при подавлении Парижской Коммуны.

²⁾ Вот перечень работ проф. Н. И. Кареева по вопросу о секциях: «Парижские секции времен французской революции» («Ист. Обзор.» и отдельно, 1911); «Неизданные документы по истории парижских секций» («Зап. Акад. Наук» и отдельно, 1912); «Политические выступления парижских секций во время великой революции» («Русское Бог.»), 1912); «Революционные комитеты парижских секций» («Изв. Полит. Инст.» и отдельно, 1914); «Роль парижских секций в перевороте 9 термидора» (1914); «Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора» («Журн. М. Н. П.» и отдельно, 1915); «Коммунистическая петиция Жака Ру и секция Гравилье» («Рус. Зап.»), 1916); «Реакция в парижских секциях после 1 прерпала III года» («Ист. Изв.»), 1916).

посвященная секциям специальная литература. Но книги Меллье в России получить почти невозможно, а большинство статей проф. Кареева носят слишком узко-специальный характер, делающий их доступными лишь для посвященных, да и достать их при условиях современного книжного рынка не так-то легко.

Между тем, знакомство широкой публики с вопросом о парижских секциях является совершенно необходимым. Дело в том, что если историческая наука, все больше и больше выдвигающая на передний план громадную роль, сыгранную во французской революции парижскими народными массами, давно уже отделилась от взгляда, согласно которому революция явилась результатом деятельности отдельных выдающихся людей, то в публике до сих пор продолжает господствовать взгляд, что вся Великая французская революция исчерпывается деяниями Мирабо, Дантона, Робеспьера и других деятелей этой эпохи. Не представляется надобности доказывать всей ошибочности этой «героической» точки зрения, разрушить которую может лишь знакомство, хотя бы и самое элементарное, с той выдающейся и, можно сказать, преобладающей ролью, которую в истории французской революции сыграло парижское население. Но органами, посредством которых формировалась и выявлялась во вне воля парижского народа, были именно секции; вот почему познакомиться с историей секций—значит понять, что французскую революцию сделали, несмотря на их величие, не Дантон и Робеспьер, а широкие безымянные народные массы Франции, в частности же и главным образом—города Парижа.

Содействовать осуществлению этой задачи—дать краткий и, по возможности, популярный очерк истории парижских секций, резюмирующий положение вопроса в современной исторической науке, и составляет задачу настоящей работы, в первой части которой излагается политическая роль секций в крупнейших событиях революции, а во второй—их внутренняя организация и быт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СЕКЦИЙ

I.

Королевский регламент 13 апреля 1789 г. о выборах в Генеральные Штаты разделил Париж, распадавшийся до этого на 21 квартал, имевших, впрочем, исключительно полицейское значение, на 60 частей, получивших название округов или дистриктов. Выборы в Генеральные Штаты были двухстепенными—население каждого дистрикта должно было избирать выборщиков, и лишь последние уже избирали депутатов. Таким образом, согласно смысла регламента, дистрикты должны были существовать лишь во время выборов и лишь для производства таковых. Но на деле случилось иначе—население Парижа продолжало и после окончания выборов собираться по дистриктам, различные дистрикты стали входить в сношения между собой, и их представители даже образовали особый «Постоянный Комитет», сыгравший значительную роль в восстании 14 июля, закончившемся *взятием Бастилии*.

После взятия Бастилии, одновременно с которым Париж завоевал себе и новую муниципальную организацию, дистрикты стали действовать как законно-установленные органы, а муниципальное положение 30 августа того же 1789 г. поставило в их главе особые Гражданские Комитеты с исполнительными функциями. Однако, дистрикты не удовлетворились предоставленными им законом функциями, и в декабре 1789 г. их представители попытались образовать Центральный Комитет, но эта попытка, впрочем, окончилась неудачей.

Наряду со стремлением к расширению предоставленных им прав в сфере муниципального самоуправления, дистрикты и в другом отношении пришли в столкновение с положениями закона 30 августа—они (что было, конечно, совершенно естественно, если принять во внимание паривший в то время среди парижского населения революционный подъем) стали часто и настойчиво вмешиваться в деятельность Учредительного Собрания по вопросам, имевшим не узко муниципальный, а чисто политический характер. Вопросы о королевском вето, повелительном наказе депутатам, положении евреев и т. д.—все это вызывало неоднократное вмешательство парижских дистриктов в деятельность Национального Собрания, а обсуждение последним проекта закона, коим граждане, в зависимости от обладания известным имущественным цензом, делились на полноправных «активных» и лишенных политических прав «пассивных»,—вызвало

в дистриктах целую бурю. 8 февраля 1790 г. целый ряд дистриктов обратились в Национальное Собрание с адресом, в котором они протестовали против законопроекта и поддерживали предложение Робеспьера о введении всеобщего избирательного права, что, впрочем, не помешало Собранию принять законопроект.

Совершенно естественно, что такое поведение демократически настроенных дистриктов не могло не встретить сопротивления со стороны консервативного большинства Учредительного Собрания. Уже в марте того же 1790 г., при обсуждении законопроекта о парижском муниципальном устройстве, докладчик Деменье выразил опасение, что «слишком частые совещания народа доставляют и всегда будут доставлять врагам общественного блага средства сеять раздоры», а новый муниципальный закон 21 мая—27 июня 1790 г. весь, можно сказать, проникнут страхом перед парижской демократией.

Согласно этому закону, дистрикты упразднились, а взамен дистриктов, Париж разбивался уже не на 60, а на 48 частей, получивших название «секций», т. е. отделов. Помимо собраний, созываемых с целью производства выборов как в Национальное Собрание, так и муниципальных (эти собрания носили название «первичных» и должны были быть закрываемы немедленно по окончании избирательного производства), граждане секций могли собираться и на общие собрания для обсуждения различных вопросов, но как на тех, так и на других могли присутствовать одни лишь «активные» (к которым относились все достигшие 25 лет, не состоявшие в услужении в качестве прислуги и платившие налог не менее, чем в размере трехдневной заработной платы) граждане, а самый созыв общих собраний был обставлен целым рядом довольно-таки сложных формальностей. А для того, чтобы избежать совместного действия нескольких секций, — что, как мы знаем, особенно испугало Учредительное Собрание в деятельности дистриктов, — § 7 первого раздела декрета подчеркивал, что «48 секций не могут быть иначе рассматриваемы, как секции коммуны», а § 1 раздела IV-го устанавливал для одновременного созыва всех 48 секций чрезвычайно сложный порядок.

Совершенно ясно, что антидемократический закон 21 мая—27 июня 1790 г. не мог не вызвать протеста. Из 60 парижских дистриктов 53 запротестовали, а демократические газеты, как, напр., «Парижские Революции» Лустало и «Революции Франции и Брабанта» Камилла Демулена выразили свое возмущение, — тем не менее, Учредительное Собрание настояло на своем, и декрет вошел в законную силу.

Что же представляли собой эти 48 секций, на которые делился Париж? Только ответив на этот вопрос, только познакомившись с составом населения отдельных секций, сможем мы отдать себе ясный отчет в причинах, вызвавших как поведение той или иной сек-

ции в отдельности, так и определивших собой громадную революционную роль, сыгранную всеми вообще парижскими секциями в великой драме, пережитой Францией в 90-х годах XVIII-го века¹⁾.

Одной из наиболее революционно настроенных частей Парижа было так-называемое Сент-Антуанское предместье, в состав которого входили секции Попенкур, Монтрейль и Кенз-Вен (на карте № 1 обозначены номерами 24, 25 и 26). Главная часть населения этих секций состояла из рабочих, занятых в производстве различных предметов роскоши, главным образом мебели, каковое существовало в то время в Париже в довольно-таки широких размерах. Впрочем, это были не столько рабочие, сколько ремесленники, — большинство из них работали у себя на дому на скупщиков, а если и существовало несколько мастерских, то число работавших в них рабочих было очень невелико. Положение этих ремесленников было в общем довольно сносным и лишь в голодные годы, к числу которых принадлежала зима 1789—90 г.г., положение их резко ухудшилось.

Если главную часть населения Сент-Антуанского предместья составляли таким образом ремесленники, то наряду с ними существовали и мастеровые — каменщики, плотники, слесаря и т. д. Что же касается фабричных рабочих, то число их было совершенно ничтожно, ибо количество не только фабрик (фабричная промышленность во Франции в то время еще только зарождалась), но даже и мануфактур было очень невелико, и на наиболее крупной из них — мануфактуре Ревельона — насчитывалось всего 200 человек рабочих. Но, как бы то ни было, условия жизни этих последних были гораздо хуже, чем ремесленников, и поэтому можно сказать, что в холодную и голодную зиму 1789—90 г.г. значительная часть населения Сент-Антуанского предместья находилась в состоянии крайней нужды.

Столь же демократическими по составу своего населения были расположенные на противоположном берегу Сены (следует отметить, что в этом месте Сены мостов не было, что не раз оказывало существенное влияние на исход некоторых революционных выступлений населения предместий) предместья Сен-Марсо или Сен-Марсель и Сен-Жак, в состав которых входили секции Св. Женевьевы (одно время называлась Французским Пантеоном²⁾, Обсерватория, Ботанического Сада (одно время Санкюлотов) и Гобеленов (одно время Фини-

¹⁾ Нижеприводимые данные заимствованы мной из книги F. Braesh'a «La Commune du 10 Août 1792» и относятся к 1792 году. В дальнейшем, под влиянием различных обстоятельств, связанных с ходом революции, состав населения, а следовательно, и настроение отдельных секций менялись, и при том довольно значительно, яркий пример чего представляет секция Французского Театра.

²⁾ Следует иметь в виду, что секции часто меняли свои названия в зависимости от тех или иных обстоятельств, часто чисто случайных.

стер), обозначенные на карте номерами 45, 46, 47 и 48. В них было значительное количество красилен, прачешных, дубильных и шерстопрядильных мастерских и пивоварен¹⁾, но все они не были крупными и не занимали больше, чем по 25 человек рабочих. Единственными исключениями были знаменитая королевская мебельная, красильная и шерстопрядильная мануфактура Гобеленов, давшая свое название одной из секций Сент-Марсельского предместья, а также еще нескольких шерстопрядильных мануфактур, на которых работало по 200—300 рабочих. Таким образом, так же как и в Сент-Антуанском предместьи, население этих секций носило смешанный мелкобуржуазно-пролетарский характер, и названные выше секции были поэтому одними из наиболее революционных.

К секции Св. Женеьевы непосредственно примыкала секция Терм Юлиана (называлась также Боревер, Возрожденной, Шалье и Терм), обозначенная под номером 44. Население ее, так же как и население непосредственно примыкавшей к ней части вышеупомянутой секции Св. Женеьевы, носило смешанный характер. Наряду с немногочисленными рабочими существовавших в этом районе бумажных мануфактур и переплетных мастерских, в ней жило много студентов (в пределах этой секции помещался университет), а также порядочное количество состоятельных буржуа, вследствие чего секция Терм Юлиана была в общем настроена гораздо менее революционно, чем примыкавшие к ней секции Сент-Марсельского предместья.

Столь же смешанным было и население граничившей с секцией Терм Юлиана с западной стороны секции Французского Театра. Наряду с некоторым количеством буржуа и представителей либеральных профессий, в этой секции жило довольно много рабочих, главным образом печатников и каменщиков — вот почему секция Французского Театра была одной из наиболее революционных. В противоположность этому, соседняя с ней секция Четырех Наций (одно время Единства, № 40), наряду с некоторым количеством строительных рабочих, была населена, главным образом, торговцами и владельцами различных мануфактур, соответственно чему и являлась относительно консервативной, так же как и примыкавшая к ней с юга секция Люксембурга (одно время Муция Сдеволы, № 43), в которой наряду с бедняками жило много буржуа и священников.

К северо-западу от секции Люксембурга находилась секция Красного Креста (называлась также секцией Красного Колпака, обозначена № 42). Население ее состояло, главным образом, из рабочих строительных и деревообделочников, соответственно чему секция была настроена довольно революционно. Между секцией Красного

¹⁾ Одна из пивоварен этого района принадлежала, между прочим, известному революционному деятелю Сантерру.

Креста, с юга, и Сеной, с севера, была расположена секция Гренельского Фонтана (№ 39). Этот район Парижа был до революции одним из наиболее аристократических, но к 1792 г. значительная часть живших в секции аристократов эмигрировала, и население ее было смешанным — в состав его входили интеллигенты, мелкие торговцы, ремесленники и строительные рабочие.

На крайнем западе левобережного Парижа находилась обширная по размерам и малонаселенная секция Инвалидов (№ 38). Ее немногочисленное население состояло, главным образом, из садоводов-собственников, рабочих же в ней не было совершенно, так же как и представителей торгово-промышленного класса, почему секция и являлась одной из наиболее консервативных секций Парижа.

Напротив секции Инвалидов, на противоположном, правом берегу Сены, была расположена, также очень консервативная секция — Елисейских Полей (№ 2), заселенная аристократами и владельцами различных промышленных предприятий. К северу от нее находилась демократическая секция Руль (одно время Республики, № 3), полупустынная местность, населенная, наряду с ремесленниками, слесарями, плотниками и другим бедным людом. С юго-востока к ней примыкала также довольно демократическая секция Вандомской Площади (одно время Пик, № 5; известна в истории революции как секция Робеспьера), в которой, наряду с интеллигентами, мелкими торговцами и ремесленниками, жили также, впрочем не особенно многочисленные, рабочие расположенных в этом районе нескольких бумажных, фарфоровых и др. фабрик и мануфактур.

К востоку от только что описанных секций тянулись шесть секций, составлявших так-наз. Северные предместья — Гранж-Баттельер (одно время Мирабо и Монблана, № 7), Монмартрское предместье (№ 20), Пуассоньер (№ 21), предместья Св. Дениса (или Северное Предместье, № 28), Бонди (№ 22) и Тампль (№ 23). В большинстве своем мало заселенные, секции эти вместе с тем носили промышленный характер. Там находилось много шерстопрядильен, занимавших довольно значительное число рабочих (на одной 800), а также заведений стекольного и фарфорового производства. Помимо рабочих этих мануфактур, в секциях северных предместий жило также порядочное число строительных рабочих и подрядчиков. Последних было особенно много в секции Тампля, которая поэтому носила несравненно более буржуазный характер, чем остальные северные секции.

Переходя теперь от окраин к центру, следует прежде всего упомянуть про секцию Пале-Рояля (одно время Мельничного Холма и Горы, № 4), представляющую по своему социальному характеру смешение двух величайших противоположностей. Квартал роскоши и разврата, центр многочисленных шикарных магазинов и кофеен, секция Пале-Рояля, наряду с проститутками высшего разбора, слу-

жила пристанищем и для некоторого числа бедных рабочих, главным образом каменщиков. Такой же разнородной была и соседняя секция Тюильери (№ 1), в которой, наряду с владельцами многочисленных банкирских контор, аристократами и монахами, жили рабочие расположенных в этом же районе бумажных и стекольных мануфактур. В противоположность этому, население двух соседних секций Хлебного Рынка (№ 10) и Почт (также Общественного Договора, № 11), а также южной части секции Фонтен-Монморанси (также Мольера и Жафонтена, затем Брута, № 13) было почти однородно демократическим, а в секциях Библиотеки (также 1792 г. и Лепелтье, № 6), Площади Людовика XIV (одно время Майль, Пети Пер и Вильгельма Телля, № 12) и южной части секции Фонтен-Монморанси— жили, главным образом, представители крупной торговой и финансовой буржуазии.

Две, расположенные к югу от предыдущих, секции—Лувра (одно время Музея, № 8) и Орагии (также Французских Гвардейцев, № 9)—были центром ювелирной и шелковой промышленности. Впрочем, между составом их населения была довольно существенная разница, так как секция Орагии служила большей частью местом жительства предпринимателей, а секция Лувра—рабочих.

К северо-западу от этого района находился торговый центр Парижа. Секция Рынка (она же Марше-де-Инносан, № 17), получившая свое название от нескольких, расположенных в ее пределах, рынков, была заселена довольно богатыми, несмотря на свой неряшливый образ жизни, разношникками, старьевщиками и вообще уличными торговцами; северные части секций Бонн-Нувелль (№ 14) и Понсо (одно время Друзей Отечества, № 15) были наполнены целым рядом больших магазинов предметов роскоши, а секция Арси (№ 19) была центром многочисленных скотобоен.

Чрезвычайно интересным, по своему классовому составу, было население центральных промышленных секций Парижа—Моконсейль (одно время Бонконсейль, № 16), Ломбар (№ 18), Гравилье (№ 28) и Бобург (также Соединения, № 29), а также южных частей уже рассмотренных секций Бонн-Нувелль (№ 17) и Понсо (№ 15). Секции эти являлись центром, в котором изготовлялись различные предметы роскоши—кружева, веера, шляпы, искусственные цветы и т. д., причем производство это носило частью мануфактурно-фабричный, частью же ремесленный характер. Наряду с мастерскими, в которых работало не больше нескольких десятков рабочих, сравнительно довольно обеспеченных, во всех секциях этого района было значительное количество мануфактур и фабрик, главным образом, шерстопрядильных и кружевных, дававших работу от 70 до 500 рабочим каждая. Если уже положение этих рабочих было не особенно

на дому рабочих чулочной и ленточной промышленности, живших, главным образом, в секции Гравилье. Не говоря уже о той эксплуатации, которой они подвергались со стороны скупщиков, ремесленники эти сильно страдали от конкуренции машинного производства, быстрыми шагами завоевавшего эту область промышленности. Социальное положение этих быстро пролетаризующихся масс было самым жалким, и соответственно этому эти промышленные секции центрального Парижа, в особенности же секция Гравилье, были одним из главных, тлевших в Париже, революционных очагов. Тем интереснее отметить, что, наряду с этими пролетарскими и полу-пролетарскими массами, в рассматриваемых секциях, главным образом Ломбар, жили также представители крупной буржуазии, владельцы банкирских контор и суконных фабрик.

Диаметрально-противоположный характер, сравнительно с промышленным центром Парижа, носили по составу своего населения расположенные к востоку от него секции Красных Детей (также Марэ и Вооруженного Человека, № 30), Сицилийского Короля (одно время Прав Человека, № 31), Ратуши (также Коммуны и Верности, № 32), Королевской Площади (также Федератов и Нераздельности, № 33) и Арсенала (№ 34). Промышленности в них не существовало, а главную часть населения (наряду с которой было лишь наибольшее число мелких торговцев и рабочих каменщиков) составляли аристократы, а также представители крупной торговой буржуазии и либеральных профессий. Такой же аристократическо-буржуазный характер носили и три, расположенные на островах Сены, секции—острова св. Людовика (также Братства, № 35), Собора Богоматери (также Сите и Разума, № 36) и Генриха IV (также Нового Моста и Революционная, № 37). Таковым является, при ближайшем рассмотрении, классовый состав населения парижских секций в 1792 году. Мы видим, что громадное большинство парижского народа состояло из мелкобуржуазной демократии, бывшей, как известно, наиболее революционным классом того времени. Именно поэтому Париж, гораздо более революционный, чем сравнительно отсталая в экономическом отношении провинция, сыграл в эпоху революции столь выдающуюся политическую роль, именно поэтому парижские секции столь часто и успешно могли диктовать свою волю общенациональному представительству и последнее должно было покорно склоняться перед этой волей, волей *одного* города, одного—но самого передового, самого революционного. Но если таким образом рассмотрение классового состава населения парижских секций объяснило нам роль, сыгранную последними, оно в то же самое время поможет нам понять и самую характерную черту внутренней истории секций—существовавшую внутри их непрерывную классовую борьбу. Дело в том, что если оставить в стороне мелкобуржуазно-пролетарские

секции предместий, с одной, и аристократическо-буржуазные секции правобережного и островного Парижа—с другой стороны, то нельзя не отметить, что в громадном большинстве секций население, по своему классовому составу, было чрезвычайно смешанным. Если в Париже того времени настоящих, в теперешнем смысле этого слова, пролетариев почти и не было ¹⁾, то, тем не менее, классовые интересы мелкобуржуазно-полупролетарского большинства парижского народа в очень сильной степени расходились с интересами буржуазного меньшинства. Вот почему парижские секции не могли не представлять собой вполне естественных очагов для самой ожесточенной классовой борьбы, которая в них действительно и возгорелась с того самого момента, как в секциях началась интенсивная политическая жизнь, т.-е. с лета 1792 года.

II.

Закон 21 мая—27 июня 1790 г., устранивший «пассивных» граждан от всякого участия в жизни секций ²⁾ и ограничивший функции последних чисто муниципальными делами, устранил вместе с тем какой-бы то ни было живой дух из этих органов парижского муниципального управления. «Активные» граждане не проявляли в этот период довольно сильной общественной реакции никакого интереса не только к политическим, но даже к узко-муниципальным делам, и на октябрьских муниципальных выборах 1790 г. из числившихся в 48 секциях 78.000 активных граждан, в голосовании приняли участие не более 2.000 человек ³⁾. Даже взволновавшее всю Францию событие—бегство королевской семьи в Варенн 20 июня 1791 г.—почти не затронуло парижских секций. Некоторые из них, последовав примеру Национального Собрания, правда, объявили свои заседания перма-

¹⁾ Насколько классовые интересы мелкобуржуазного элемента парижского населения отличались от интересов многочисленных пролетариев того времени, ясно видно из следующего факта, приводимого на основании архивных документов проф. Е. В. Тарле в его книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», т. II, стр. 271—3. В конце августа 1792 г. начались работы по возведению укрепленного лагеря под Парижем, на которые могли наняться все безработные. И вот, 18 сентября (т.-е. тогда, когда в заседаниях секций участвовали уже не только одни «активные», но и «пассивные» граждане), в заседании одной из самых демократических и революционных парижских секций, секции Кенз-Вен, высказывались мнения о нецелесообразности порядка, при котором на работы разрешалось наниматься не только безработным, но и плохо оплачиваемым рабочим, а в принятой резолюции секция требовала разных мероприятий *против* этих рабочих.

²⁾ Насколько незначительным было количество так-называемых «активных» граждан, ясно видно из карты № 1. Даже в таких больших по размерам и густо населенных секциях, как Кенз-Вен, число их не превышало 2.000, а в малонаселенных секциях северных предместий их было меньше 1.000.

³⁾ Жорес, «История Великой французской революции», т. I, «Учредительное Собрание», стр. 320.

ментными, но это обстоятельство не имело существенного значения и лишь одна секция Французского Театра пошла несколько дальше. Вообще же можно сказать, что за время реакции, тянувшейся до лета 1792 г., когда в Париже произошел сильный революционный подъем, громадное большинство секций не играли никакой маломальски выдающейся политической роли и, глядя на них, было бы чрезвычайно трудно предсказать то выдающееся значение, которое должны были получить парижские секции в дальнейшем ходе событий французской революции ¹⁾. Единственным исключением в этом смысле являлись лишь те секции, большинство «активных» граждан которых состояло не из крупных буржуа или аристократов, а из радикальных представителей либеральных профессий, в частности секции Французского Театра и Св. Женеьевы. Дело в том, что в этот период французской революции, когда мелкобуржуазно-пролетарские массы еще не втянулись в революционное движение, именно интеллигенты являлись вожаками революции, и присутствие их в той или иной секции не могло не сказаться благотворным образом на деятельности последней.

Антидемократическое законодательство Учредительного Собрания, в частности произведенное им разделение граждан на «активных» и «пассивных», с самого же начала встретило резкий протест со стороны радикально настроенной интеллигенции. Особенно обострился этот протест летом 1791 г., когда, вследствие предстоявших выборов в Законодательное Собрание, разделение это должно было осуществиться на практике по всей территории Франции.

И вот 8 июня 1791 г. общее собрание секции Св. Женеьевы избрало двух комиссаров, которым было поручено снестись с остальными секциями в целях выработки совместной петиции к Национальному Собранию об отмене системы ценза. Впрочем, соглашения между секциями не состоялось, но за то содержащий аналогичное требование адрес, расклеенный 15 июня по стенам парижских домов и подписанный 13 народными клубами, был составлен по предложению той же секции ²⁾. Такая же петиция была составлена в то же самое время секцией Французского Театра (во главе ее стояли столь видные революционные деятели, как Дантон и Камилл Демулен совместно с секцией Гобеленов). А когда, несколько дней спустя, произошло бегство короля, секция Французского Театра 23 июня решила на чисто революционный шаг—она объявила, что принимает в свою среду всякого гражданина, достигшего 25-летнего возраста и имеющего

¹⁾ К сожалению, в наших руках очень мало источников, относящихся к жизни секций в этот период их существования.—из секционных бумаг этого времени до нас дошли лишь опубликованные Брешем протоколы секции Почт. Впрочем, имеющих источники, в особенности газет, более чем достаточно для того, чтобы установить отмеченное в тексте явление.

²⁾ О л а р, «Политическая история французской революции», стр. 72.

определенное местожительство (т.е. самовольно прокламировала всеобщее избирательное право), а также постановила выбросить из текста гражданской присяги слова «активный» и «король»¹⁾.

Но это были лишь отдельные вспышки, так сказать гром среди ясного неба, и лишь значительно позже, когда двухлетний период затишья сменился новым революционным подъемом, т.е. летом 1792 г., парижские секции сразу вышли из тени и сыграли героическую роль в великой народной драме, закончившейся переворотом 10 августа.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках нет данных об участии секций (за исключением секций предместий) в выступлении 20 июня, известно лишь, что секции Кенз-Вен, Попинкур и Гобеленов заседали в продолжение всей почти ночи с 19 на 20 июня²⁾. Зато уже в ближайшие же дни, последовавшие за этим событием, секции выдвинулись на первый план и, вместе с федератами, стали во главе революционного Парижа.

Для того, чтобы понять громадную революционную роль, сыгранную парижскими секциями в этот период французской революции, необходимо прежде всего уяснить себе полный переворот, происшедший в это время внутри секций. Если до этого момента «пассивные» граждане, т.е. мелкобуржуазные и пролетарские массы, отстраненные законом от всякой политической деятельности, легко мирились с этим устраниением и интересовались гораздо больше своим экономическим положением, крайне обострившимся вследствие происшедшего в это время сильного повышения цен на предметы первой необходимости, то летом 1792 г. в их настроении произошел решительный перелом. Перед лицом наступающего на Париж быстрыми шагами внешнего врага, стремящегося к полному уничтожению всех завоеваний революции и восстановлению старого порядка; перед лицом короля, явно изменившего народу и вошедшему в сношения с противником — парижская демократия поняла, что наступил решительный час в судьбе всей революции. Или власть короля и крупной буржуазии будет низвергнута, или революция погибнет — вот, что ясно поняла парижская демократия и, поняв это, перешла в решительное наступление. И ближайшей ареной этого наступления послужили собрания секций.

Мы видели выше резко-отрицательное отношение радикальной французской интеллигенции к расчленению граждан на «активных» и «пассивных». Если раньше, при молчании самих «пассивных», это отношение могло выразиться лишь в резолюциях и петициях, то теперь, перед властным вмешательством парижской демократии, цензурная система, самой силой вещей, должна была разлететься в прах. Если еще 25 июля секция Лувра приняла петицию, в которой про-

сила о введении всеобщего избирательного права, то уже 30 июля секция Французского Театра приняла знаменитое постановление, подписанное Дантоном, Шометтом и Моморо, которым председателю секции упразднялось разделение граждан на пассивных и активных, что было провозглашено и некоторыми другими секциями. А в остальных «пассивные» граждане сами завоевали себе право присутствия на общих собраниях, к великому, конечно, ужасу благонамеренных «активных» граждан. Ясно, что при этих условиях общие собрания секций не могли не стать ареной ожесточеннейшей классовой борьбы, результаты которой зависели от численного соотношения сторон.

Вот как описывает эту борьбу Жорес в своей «Социалистической истории французской революции»¹⁾:

«Для того, чтобы вполне понять великое народное движение, развивающееся в июле и августе 1792 года, чтобы различить его многочисленные источники, нужно бы было иметь возможность проследить день за днем кипящую и бурную жизнь 48 парижских секций за эти драматические недели; следовало бы отметить все революционные предложения, все подробности и перипетии борьбы, завязавшейся во множестве секций между умеренными и революционными элементами. То благодаря случайному преобладанию «пассивных» граждан принимаются грозные адреса, то, наоборот, умеренные, при помощи стремительного натиска, добиваются отмены принятых накануне постановлений. Так, например, в секции Арсенала великий химик Лавуазье, бывший ранее генеральным фермером, а в настоящее время занятый в производстве пороха и селитры, составляет протест против республиканского адреса, ранее одобренного секцией. Но, не взирая на столкновения и сопротивление, революционная сила все развивалась и, за исключением нескольких секций центра, в которых преобладало умеренное влияние богатой буржуазии, возмущенные королевской изменой граждане высказывались за немедленное отрешение».

Размеры настоящей книги не дают мне, к сожалению, возможности подробно остановиться на всех многочисленных революционных выступлениях парижских секций в конце июля и начале августа 1792 г.²⁾ и я отмечу лишь главнейшие моменты этих событий. Но перед тем, как переходить к рассмотрению роли отдельных секций в событиях, приведших к падению монархии, следует предварительно отметить два важных нововведения, происшедших в это время в организации секций.

¹⁾ «La Législative», стр. 1267.

²⁾ Желаящих подробнее ознакомиться с этими событиями и отсылать к книге Сагана «La Révolution du 10 Août 1792. La chute de la royauté», 1909, и в особенности к превосходной, уже упомянутой мной выше, громадной по размерам книге F. Braesch'a «La Commune du 10 Août 1792», Paris, 1911.

¹⁾ Там же, стр. 86.

²⁾ Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur», т. I, стр. 144.

Я отметил уже выше, в первой главе, что закон 21 мая—27 июня 1790 г. особенно стеснял деятельность секций в двух отношениях—с одной стороны, он чрезвычайно затруднял устройство общих собраний каждой секции, взятой в отдельности, с другой—не допускал общих действий нескольких секций. И поэтому совершенно ясно, что сильное политическое оживление, начавшееся в секциях после 20 июня, должно было прежде всего вызвать столкновения между секциями и регулировавшим их деятельность законом именно в двух указанных отношениях.

Еще за несколько месяцев до этого, в мае 1792 г., целый ряд секций просил Национальное Собрание о разрешении им перманентных собраний¹⁾. 28 мая об этом просили секции Французского Театра, Красного Креста и Гренельского Фонтана; 30 и 31 мая—секции Ломбар, Моконсейль и Люксембургская, 17 июня секции Красного Креста (вторично) и Луврская, 29 июня секция Тюильери. А с конца июля, т.-е. с момента все растущего революционного подъема, требования секций о разрешении им перманентности стали все более и более настойчивыми. 19 июля с требованием об этом обратилась к Законодательному Собранию секция Ломбар, 20 июля—секция Пуассоньер, 24 июля—секция Почт. И перед все растущим напором секций Национальное Собрание должно было уступить:—25 июля оно декретировало перманентность секций, и с этого момента вплоть до 9 сентября 1793 г., т.-е. более 13 месяцев, заседания секций стали ежедневными.

Другая же существенная реформа заключалась в следующем. Закон 21 мая—27 июня 1790 г., рассматривавший секции, как отдельные, ничем между собой не связанные, части Парижа, вполне естественно не дал отдельным секциям никакой общей организации. Это отсутствие связи сильно стесняло деятельность секций—приходилось посылать делегатов из одной секции в другую, но, в виду одновременности заседаний, делегаты не всегда могли быть сейчас же приняты, и отсюда возникали иногда довольно продолжительные задержки. Поэтому еще больше чем за год до рассматриваемого момента—27 марта 1791 г. секция Гренельского Фонтана просила Национальное Собрание об учреждении собрания делегатов секций, а 21 февраля 1792 г. такое же ходатайство возбудила секция Св. Жевьевы. И вот, идя навстречу желаниям секций, мэр Парижа Петион

¹⁾ Перманентность собраний секций вовсе не означала, как это неправильно утверждает Тэн в своем «Происхождении современной Франции», что заседания секций продолжались целые сутки без перерыва. Под перманентностью подразумевалось лишь то, что общие собрания секций должны были собираться по требованию хотя бы одного гражданина, что и было разъяснено законом 3 сентября 1792 г. Фактически же (кроме исключительных случаев, вроде ночи с 9 на 10 августа) заседания секций обычно начинались в 5—6 час., а кончались не позже 11 час. вечера.

(в то время настроенный еще довольно революционно) заставил парижский муниципалитет принять постановление об образовании состоящего из делегатов всех 48 секций Центрального Бюро сношения секций, и 27 июля это постановление вошло в законную силу.

Впрочем, как раз в это самое время, благодаря одному случайному обстоятельству, в руках секций оказался еще один орган, правда временного характера, сильно способствовавший их объединению и ставший, до известной степени, как бы прецедентом, способствовавшим образованию революционной Коммуны 10 августа. Я имею в виду собрания комиссаров секций, имевших место 23, 24, 26 и 30 июля в помещении Ратуши для составления адреса к армии.

30 июня секция Марше-де-Инносан предложила другим секциям Парижа обратиться к армии с адресом, разъяснявшим ей смысл выступления 20 июня. 17 июля это предложение обсуждалось во всех секциях Парижа и было принято 39-ю из них. Вследствие этого и основывался на §§ 6 и 7 закона 18—22 мая 1791 г.¹⁾, допускавшего собрания комиссаров секций для сравнения принятых отдельными секциями постановлений, парижский муниципалитет созвал на 23 июля собрание секционных комиссаров. Собрания эти продолжались 24, 26 и 30 июля, и в результате был составлен текст обращения парижских секций к армии. Хотя собрания эти были созваны муниципалитетом и, таким образом, носили вполне законный характер, они (не говоря уже о революционности текста воззвания, о чем дальше) в то же время не могли не способствовать росту революционного настроения секций, содействуя их объединению и как бы дополняя этим роль Центрального Бюро Сношений. К тому же эти собрания давали секциям готовый механизм крупного межсекционного органа, который, как мы увидим, и был ими использован в ночь с 9 на 10 августа.

Таковы три существенных обстоятельства, происшедшие в жизни секций в конце июля, значительно укрепившие их положение и сильно способствовавшие созданию той первостепенной политической силы, которую они с этого времени получили.

Я указал выше, что большинство парижских секций не принимали участия в выступлении 20 июня. Но уже вслед за этим событием, в последних числах июля, целый ряд секций (Бреш определяет их общее число в 18) одобряет, хотя и в довольно умеренных выражениях, выступление 20 июня. На первый взгляд это явление может показаться непонятным—ведь в это время на секционных собраниях присутствовали еще одни только «активные» граждане. Но дело тотчас разъяснится, если принять во внимание, что 20-е июня было делом не крайних революционеров, а патриотически настроенных жирондистов, желавших не свергнуть короля с престола, а лишь напугать его и тем принудить к прекращению изменнических сношений с внеш-

¹⁾ Этот закон был издан в дополнение к закону 21 мая—27 июня 1790 г.

ним врагом,—вот почему нас не должно удивлять, что целая треть парижских секций, составленных пока еще из одних активных граждан, хотя и не участвовала непосредственно в событиях 20 июня, но одобрила их.

Если таковым было настроение значительной части секций еще в конце июня, то через месяц, когда в состав их общих собраний нахлынули пассивные граждане, когда, вместе с тем, опасность со стороны внешнего врага становилась все более и более серьезной и в Париже был получен знаменитый манифест герцога Брауншвейгского, грозивший самому существованию революции,—настроение громадного большинства их становится резко революционным, и неясные угрозы королю сменяются открытым требованием низложения Людовика XVI-го и созыва избранного на основе всеобщего избирательного права Национального Конвента, долженствующего установить новый порядок управления Францией.

Уже воззвание парижских секций к армии, о котором я говорил выше, содержало целый ряд резких нападок на короля. А еще за несколько дней до составления текста этого воззвания ¹⁾, 19 июля, секция Гренельского Фонтана высказалась за необходимость низложения короля и предложила другим секциям избрать комиссаров, которые должны были составить адреса к Национальному Собранию и 83 департаментам Франции о мерах, необходимых для спасения отечества. Это предложение встретило всеобщее сочувствие, и уже на следующий день муниципалитет был вынужден назначить на 24-е собрание всех секций для избрания секционных комиссаров. Подобно тому, как это было с комиссарами секций, составлявшими текст воззвания к армии, собрания этих комиссаров состоялись в здании Ратуши—26, 28 и 29 июля и 1, 2 и 3 августа. В результате этих собраний был составлен текст адреса к Национальному Собранию (принятый всеми секциями за исключением одной лишь секции Тампля), содержащего требование низложения короля, и 3 августа мэр Парижа Петион прочел это требование в заседании Законодательного Собрания.

Если большинство секций ограничивалось еще, таким образом, просьбами, то еще 31 июля одна из наиболее революционных секций Парижа—Моконсейльская—пошла значительно дальше и решила на чисто революционный акт—она провозгласила, что считает Людовика XVI-го уже низложенным. А когда Законодательное Собрание, в ответ на речь Петиона, слало вопрос о низложении в комиссию, когда одновременно с этим в Париже стал известен манифест герцога Брауншвейгского, направленный непосредственно против парижан,—та же Моконсейльская секция приняла 4-го августа новое постановле-

¹⁾ Большинство историков относит постановление секции Гренельского Фонтана к 23 июля, но Braesh (p. 142) ясно устанавливает приводимую в тексте дату.

ние, в котором призывала все другие секции направиться на следующий день к Законодательному Собранию и властно потребовать от него исполнения народной воли. Такое же постановление было еще накануне, 3-го августа, принято секцией Кенз-Вен, а 4-го секция Гравилье в обращении к Законодательному Собранию довольно недвусмысленно заявила: «Мы оставляем вам еще, законодатели, честь спасти родину, но если вы откажетесь спасти ее, нам не остается ничего другого, как взяться за это самим».

Но время для восстания еще не наступило, ибо еще далеко не все секции были настроены столь революционно. И учитывая это, в тот же день, 4 августа, секция Кенз-Вен призвала другие секции обождать и отложить восстание до 11 час. вечера 9 августа—если, конечно, Законодательное Собрание само не провозгласит до этого низложения короля.

Как же в это время—т.е. в первые дни августа—было настроено большинство секций? Ответить на этот вопрос не так-то легко, ибо до нас дошли далеко не все относящиеся к этому времени протоколы заседаний секций, а все, основанные на других источниках, утверждения, не могут не представляться, до известной степени, гадательными. Тем не менее, я привожу две заимствованные мной из уже упомянутой выше книги Саньяка карты (№№ 2 и 3), рисующие настроение секций, одна 5-го, а другая 10-го августа 1792 г. При сравнении двух этих карт, перед нами прежде всего встает вопрос о том, чем должно быть объяснено происшедшее за эти 5 дней колебание целого ряда секций, как, например, Обсерватории, Понинкур, Монтрейль и т. д. Основная причина заключается, конечно, в том, что процесс вливания в состав секционных собраний «пассивных» граждан далеко еще не закончился к 5 августа, а продолжался и после этого дня; наряду с этим следует принять во внимание и то революционизирующее влияние, которого не могло не оказать распространение по городу известия о манифесте герцога Брауншвейгского и слухов о кровавой бане, которую якобы готовил парижанам Людовик XVI. И сравнение этих двух карт ясно показывает нам, насколько права была секция Кенз-Вен, откладывая выступление с 5-го на 10-е августа.

Книга Саньяка вышла в 1909 году, а через два года, в 1911 году, вышла уже неоднократно упоминавшаяся мной книга Бреша «Коммуна 10 августа». В этой книге Бреш поместил (заимствованную мной под № 4, основанную на очень основательных архивных разысканиях, а потому заслуживающую больше доверия, чем карта Саньяка) карту настроения парижских секций 10 августа, сравнивая которую с приведенными мной в главе I-ой данными, ясно видно, что в громадном большинстве случаев настроение той или иной секции объяснялось классовым составом ее населения. Впрочем, существуют и исклю-

чения, как, например, принадлежность к числу консервативных секций Ботанического Сада, входящей в состав, вообще говоря, революционного Сен-Марсельского предместья. Причины этих исключений могли бы быть выяснены лишь при более глубоком изучении повседневной жизни соответствующих секций, что, к сожалению, представляется вряд ли возможным из-за отсутствия источников.

Между тем наступил назначенный вечер 9 августа, а Законодательное Собрание все еще не высказалось. И вот в то время, когда на парижских колокольнях начали звонить в набат и на улицах стали собираться вооруженные отряды, которым на следующий день суждено было низвергнуть монархию,—в заседании большинства секций, по предложению секции Кенз-Вен, были избраны комиссары, которые собрались в здании Ратуши и, разогнав законный муниципалитет, совершенно потерявший к этому времени народное доверие,—заменили его. Таким путем образовалась революционная Коммуна 10-го августа. К 12 час. ночи в ее состав входили представители 20 секций¹⁾, к утру 10-го августа число представленных в Коммуне секций возросло до 28, остальные же секции присоединились в течение этого и следующих дней.

Вопрос об образовании Коммуны 10-го августа, чрезвычайно важный для выяснения роли парижских секций в перевороте этого дня, представляет один из самых спорных вопросов истории французской революции. Реакционные историки революции, главным образом Мортимер-Терно и Тэн, стремясь подорвать доверие к Коммуне 10 августа, утверждали, что выбор ее членов носил случайный и беспорядочный характер, благодаря чему Коммуна ни в коем случае не могла считаться выразительницей воли большинства парижского населения. Но исследования других, сочувствующих революции, историков, в особенности Бреша, не оставляют камня на камне от этих воззрений и вполне доказывают, что Коммуна 10 августа явилась истинной выразительницей настроения громадного большинства народа Парижа.

Первое утверждение Мортимера-Терно и Тэна заключалось в том, будто бы во многих секциях заседания закончились рано, а выборы комиссаров были произведены уже после закрытия заседания, когда большинство публики разошлось и в зале оставались лишь одни заклятые революционеры. И, отвечая на это, Бреш говорит (стр. 217—18):

«Рассказ Мортимера-Терно представляется мне совершенно фантастическим и несоответствующим действительным фактам. В боль-

¹⁾ В Graesh, p. 222. По истории коммуны 10 августа книга Бреша является совершенно неопределимым источником, к которому я и отсылаю всех интересующихся.

шинстве секций заседание беспрерывно продолжалось всю ночь, что, понятно, вполне соответствовало важности событий... Мортимер-Терно может указать лишь четыре случая, когда заседания были закрыты до 12 час. ночи—это в Тампле (в 9½ ч.), Оратории и Вандомской площади (10 час.), Лувре (11½ час.). С другой стороны, он указывает, что в трех других секциях—Руль, Бобурж и Арсепала—число лиц, присутствовавших до 12 часов, было незначительным. Эти семь случаев—единственные, которые я отметил в «Истории Террора». Этого совершенно недостаточно, чтобы говорить, что «во многих секциях заседание было уже закрыто, когда в 11 час. вечера было получено постановление секции Кенз-Вен». Правда, после 12 час. ночи, хотя заседания *официально* и считались продолжающимися, но на них присутствовало лишь незначительное число граждан. Но дело в том, что, как замечено выше, большинство выборов было произведено до 12 час. ночи».

Другое утверждение Мортимера-Терно и Тэна заключалось в том, что выборы комиссаров от секций совершались без соблюдения каких бы то ни было гарантий правильности, так что комиссары были выбраны чуть что не ими самими. Однако, одно чрезвычайно интересное открытие Бреша показывает глубокую неправильность этого утверждения. Я уже отмечал выше, что собрания комиссаров секций, происходившие в здании Ратуши для составления обращений к армии и Законодательному Собранию, как бы явились прецедентами для создания Коммуны 10 августа, противопоставив старому, совершенно утратившему народное доверие, легальному муниципалитету собрание людей, только что облеченных ореолом народного избрания. И вот Брешу (стр. 145—7) пришла любопытная мысль—составить список членов Коммуны 10 августа со списками комиссаров секций, собиравшихся ранее для составления обращения к армии (23—30 июля) и петиции об отрешении (26 июля—3 августа). При этом оказалось, что среди избранных секциями в ночь с 9 на 10 августа комиссаров было очень много лиц, избравшихся ранее для участия на вышеназванных собраниях, и, следовательно, утверждение Мортимера-Терно и Тэна о полной случайности выборов 9—10 августа не может считаться правильным. Таким образом, говорит Бреш: «Мы приходим к выводу, что следует думать о данном Мортимером-Терно описании рождения революционного Генерального Совета. Даже если предположить, что имевшие место в ночь с 9 на 10 августа выборы членов этого Совета производились поспешно, то вместе с тем ясно, что эти выборы следует тем не менее считать снабженными вполне достаточными гарантиями, ибо они были заранее подготовлены предыдущими выборами, происходившими публично».

Образование в лице революционной Коммуны 10 августа нового органа, представлявшего и осуществившего в своей деятельности волю громадного большинства парижского населения, должно было

до известной степени умалить значение парижских секций. Тем не менее и в дни, последовавшие за низложением монархии, секции продолжали играть важную роль как в жизни Парижа вообще, так в частности и в деле военной обороны, ставшей, благодаря ряду поражений французской армии и падению Вердена, насущнейшей задачей революционного Парижа. Формирование отрядов добровольцев, розыски и приготовление оружия и военной аммуниции—вот чем главным образом занялся Париж в конце августа и начале сентября, и секции, наряду с Коммуной, сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

Между тем, отношения между Коммуной и Законодательным Собранием были далеко не дружескими. Согласившись, под влиянием победы народа 10 августа, на низложение короля и созыв избранного на основе всеобщего избирательного права Национального Конвента, Законодательное Собрание тем не менее было очень далеко от революционного настроения Парижа и его органа—Коммуны. Около трех недель тянулись безрезультатные пререкания, пока, наконец, 30 августа Законодательное Собрание не издало декрета, коим Парижская Коммуна объявлялась распущенной и секциям предписывалось приступить в 24-х-часовой срок к избранию членов нового муниципалитета.

Как отнеслись секции к этому декрету? В нашем распоряжении, к сожалению, нет данных, позволяющих ответить на этот вопрос по отношению ко всем секциям. Известно лишь, что секции Моконсейль, Финистер, Федератов, Лувра, Пуассоньер и предместья св. Дениса, не признавая декрета Собрания, подтвердили полномочия всех своих прежних делегатов, секция Гренельского Фонтана подтвердила полномочия двух из четырех, а секция Монмартрского Фонтана, Тампля, Марэ и Люксембургская, наоборот, подчинились и предписали своим делегатам покинуть здание Ратуши. Впрочем, эти решения имели лишь, так сказать, платонический характер, ибо Коммуна отказалась подчиниться, и Законодательному Собранию не осталось ничего другого, как отменить свой декрет.

Нам предстоит теперь перейти к рассмотрению чрезвычайно интересного вопроса об участии парижских секций в одном событии, относящемся к самым мрачным страницам истории революции,—так называемых сентябрьских убийствах. К сожалению, и по этому вопросу имеющиеся источники далеко не достаточны—в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие судить о поведении всего лишь девяти секций¹⁾. Можно считать доказанным²⁾, что за убий-

¹⁾ Mortimer-Ternaux, t. III, p. 217—18 и 475—81. Мортимер-Терно, настроенный к секциям враждебно, видел в факте утраты и повреждения (в некоторых из них вырваны страницы, относящиеся к этим дням) секционных протоколов доказательство участия большинства секций в убийствах, но, как доказал Мелле, эти повреждения носили большей частью случайный характер.

²⁾ Graesh, стр. 485—6.

ства высказались лишь секции Пуассоньер, Люксембургская, Луврская и Арси, а секции Рынка, Монтрейль и Финистер, не одобряя убийств, высказались лишь за ускорение судопроизводства над арестованными аристократами. Если таким образом несколько секций, поддавшись панике (вследствие циркулировавших по городу нелепых слухов о подготовляемой арестованными резне революционеров) и ненависти, приняли участие в этом темном деле, то наряду с этим мы знаем много случаев, когда целый ряд секций принимали самые героические меры для спасения избиваемых, а после окончания убийств одна секция (Четырех Наций) даже предложила другим организацию ряда мер, впрочем довольно нелепых, в обеспечении невозможности повторения подобных событий.

III.

Если переворот 10 августа 1792 г., приведший к низложению Людовика XVI-го и установлению во Франции республики, являлся, до известной степени, результатом совместного действия якобинцев и жирондистов (ибо после 20 июня последние поняли, что запугать изменившего нации короля им не удастся и что единственный способ достижения победы над внешним врагом, что составляло их главное стремление, заключается в замене монархии республикой), то уже вслед за этим событием между обеими партиями началась ожесточенная борьба, бывшая, в сущности говоря, не чем иным, как борьбой классовой. В области политической между обеими партиями не было особенно значительной разницы (известно, что ни та, ни другая не имели твердо установленной программы), различие заключалось лишь в их социальной природе. Жирондисты выражали в своем лице интересы крупной торговой буржуазии провинции, главным образом богатого юга, якобинцы же являлись представителями мелкобуржуазной демократии передовой в промышленном отношении Парижа. Борьба началась сейчас же после 10-го августа (отражением этой именно борьбы были упомянутые мной выше столкновения Законодательного Собрания и парижской Коммуны), и парижские секции приняли в ней самое непосредственное участие.

Впрочем, для лучшего понимания всех перипетий этой борьбы, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. Если, рассматривая дело в общефранцузском масштабе, можно сказать, что в 1792—3 г.г. на исторической сцене находились лишь две партии—жирондисты и якобинцы, то, говоря специально о Париже, нельзя не отметить существования там и третьей партии, так называемых «бешеных», лидерами которых являлись Варле и Жак Ру.

Рассматривая состав населения парижских секций, мы видели, что, кроме реакционной аристократии, буржуазии (сочувствовавшей

жирондистам), мелкой буржуазии и рабочих (бывших на стороне якобинцев), в Париже, главным же образом в его центральной промышленной части, существовал еще класс ремесленников, работавших в области изготовления предметов роскоши—преимущественно лент, кружев и т. д. Мы видели, что происходившее в это время введение в этой области промышленности машинного производства очень тяжело отзывалось на этих людях, и мы поэтому легко поймем ту крайнюю степень революционного фанатизма, которой была одушевлена партия так-называемых «бешеных», являвшаяся представительницей интересов этого класса ¹⁾. И для того, чтобы понять события, имевшие место в жизни парижских секций зимой и весной 1792—1793 г.г., необходимо принять во внимание существование, помимо жирондистов и якобинцев, также и «бешеных».

Борьба жирондистов и якобинцев, поскольку она отразилась на секциях, может быть разделена на два периода: Первый момент может быть определен, как период борьбы якобинских секций с жирондистским большинством Конвента, второй же характеризуется упорной борьбой жирондистов и якобинцев *внутри* самих секций. Дело в том, что, когда «пассивные» граждане получили доступ на собрания секций и сразу же оказались там в большинстве, буржуазное меньшинство не приняло борьбы, а без боя очистило позиции и предоставило секции в полное распоряжение «санкюлотов», вследствие чего линия поведения почти всех секций в это время приняла определенно-выраженный якобинский характер. Когда же весной 1793 г. жирондисты ясно сознали угрожающую им опасность и благодаря этому вышли из состояния апатии ²⁾, они решили попытаться вернуть себе утраченную ими власть над парижскими секциями,

¹⁾ Впрочем, как совершенно правильно отметил Жорес («La Convention», т. II, р.р. 1036—8), в то время как якобинцы являлись партией истинно-революционной, стремящейся к движению вперед, «бешеные» по существу своему являлись партией глубоко реакционной, ибо стремились лишь к борьбе с машинным производством, т. е. к экономическому регрессу. Вот почему я никоим образом не могу согласиться с П. А. Кропоткиным, видящим (в книге «Великая революция») в лице «бешеных» предшественников социализма. В эпоху французской революции, когда почти не существовало пролетариата (ибо французские рабочие того времени, будучи в громадном большинстве своем связаны с деревней, носили ярко выраженный мелкобуржуазный характер), не было предпосылок, необходимых для существования подлинного, т. е. пролетарского, социализма, и всякий «социализм» того времени не мог не носить или утопического, или реакционного характера (первое мы видим в лице Бабефа, второе—«бешеных»).

²⁾ Впрочем, обнаружившееся весной 1793 года стремление буржуазии завладеть секциями имело еще одну причину. Изданным в это время законом о воинской повинности определение способа, ком должен был производиться призыв, было предоставлено секциям, и вполне понятно, что представители буржуазии устремились туда для проведения более выгодного для себя порядка мобилизации.

и в последних закипела ожесточеннейшая борьба, окончившаяся, как известно, поражением жирондистов.

Борьба первого периода, т. е. между секциями, которыми завладели якобинцы, и Национальным Конвентом, в котором господствовали жирондисты, велась сначала из-за вопроса чисто политического характера ¹⁾. Как известно, в декабре 1792 г.—январе 1793 г. происходил суд над Людовиком XVI, который жирондисты всячески старались затянуть, и вот секции, недовольные медленностью процесса, выступили с целым рядом заявлений, в которых требовали ускорения осуждения и казни короля. Особенно внушительной была манифестация 30 декабря, когда в Конвент явились представители 18 секций, сопровождаемые ранеными 10-го августа.

Но, наряду и одновременно с этим, борьба завязалась и на почве чисто экономической, что, конечно, вполне соответствовало тому характеру классовой борьбы, которую носила вражда жирондистов и монтаньяров.

3 февраля 1793 г. в Конвент явилась депутация от имени Коммуны «объединенных защитников 84 департаментов» и 48 секций Парижа, просившая об отмене декрета Учредительного Собрания, разрешавшего покупку и продажу звонкой монеты ²⁾. Петиция эта, составленная в довольно мягких выражениях, встретила одобрение со стороны левой части Конвента, а через пару месяцев Конвент издал закон о запрещении денежной спекуляции.

Если таким образом петиция 3 февраля может быть названа по своему духу чисто якобинской, то совершенно иной характер носила другая петиция, прочитанная 12 февраля Конвенту от имени 48 секций (что являлось наглou ложью) и всех 84-х департаментов Франции. Петиция эта, содержавшая требование регламентации хлебной торговли и составленная в необычайно резких выражениях, была делом рук «бешеных», вследствие чего встретила со стороны всего Конвента, включая даже и Марата, самый резкий отпор. И поэтому вполне понятно, что в прокламациях, разбрасываемых по Парижу вечером того же 12 февраля от имени (мнимых, конечно) 48 секций, не только депутаты-жирондисты, но и Сен-Жюст обвинялись в том, что они «ежедневно ужинают» ³⁾.

Но «бешеные», опиравшиеся лишь, как я уже отметил, на несколько секций промышленного центра Парижа, главным образом секцию Гравилье, не встречали сочувствия со стороны громадного большинства секций, и, когда 24—25 февраля в Париже, согласно

¹⁾ Помимо вопроса о суде над Людовиком XVI, целый ряд трений между секциями и Конвентом вызвал вопрос о порядке муниципальных выборов, о чем см. ниже, в части II настоящей книги.

²⁾ Jaurès, «La Convention», т. II, р. 1003.

³⁾ Там же, стр. 1017—22.

призыву «бешеных», произошли продовольственные беспорядки, сопровождавшиеся разгромом магазинов, почти все секции осудили это движение.

Впрочем, это несколько не помешало дальнейшему продолжению деятельности «бешеных». 8 марта в Париже было получено известие о поражении французских войск в Бельгии, причем причину этого поражения общественная молва видела в измене главнокомандующего ген. Дюмурье, близость которого к жирондистам была общеизвестна. «Бешеные», преувеличивая опасность, развили по этому поводу сильнейшую агитацию, результатом которой и явилось обращение секции Четырех Наций к другим секциям, требовавшее предоставления коллегии выборщиков парижского департамента права отзыва всех негодных им членов Конвента. Одновременно с этим, секции Пуассоньер, Моконсейль, Ломбар, Французского Театра и Четырех Наций высказались за восстание против изменника Дюмурье и его сообщников—жирондистов, а руководимая лидером «бешеных» Жаком Ру секция Гравилье в резком обращении к Конвенту требовала не только изгнания из его среды депутатов-жирондистов, но и беспощадной борьбы со спекулянтами, а также возложения на богатых особого налога в пользу жен и детей волонтеров. Но изгнание жирондистов из Конвента, ставшее неизбежным несколько месяцев спустя, в то время было еще преждевременным, и, как бы отдавая себе в этом отчет, громадное большинство секций Парижа не присоединилось к этим требованиям, но за то вполне единодушно высказали другое пожелание, вполне соответствовавшее задачам момента и немедленно же осуществленное Национальным Конвентом,—об образовании Революционного Трибунала.

Но если, таким образом, произведенная «бешеными» в начале марта попытка восстания против жирондистов окончилась полной неудачей, то она, тем не менее, имела чрезвычайно опутительный результат,—это то, что, говоря словами Жореса («Конвент», т. II, стр. 1206 и 1215), «видя угрожающую им опасность, умеренные решили перенести войну в самые секции. Если раньше буржуазия сидела по домам и предоставляла секции во власть санкюлотов, то теперь она попробовала вернуться туда и захватить власть в свои руки... В каждой секции происходила борьба двух классов». Борьба эта сразу же приобрела чрезвычайно ожесточенный характер, и приводимые в книге Жореса относящиеся к этому времени рапорты полицейского агента Дюгара министру внутренних дел Ролану полны описаний случаев, когда заседания секций заканчивались самой яростной потасовкой.

И если, тем не менее, парижской демократии удалось отразить этот отчаянный натиск жирондистской буржуазии и выйти победительницей из борьбы, то это объясняется лишь целым рядом удачных мер, принятых якобинцами для сохранения своего преобладания в секциях.

Первой мерой такого рода были довольно многочисленные в то время союзы нескольких секций «против аристократии», первым случаем которых был заключенный 15 апреля союз секций Ломбар и Моконсейль. Союзы эти вызвали сильное негодование со стороны жирондистов, но, как совершенно верно замечает Жорес, «не сами ли умеренные без конца повторяли, что каждая секция есть лишь секция, т.-е. лишь частица суверенитета? Таким образом, если несколько секций соединялись для совместного обсуждения, то не приближались ли они этим к полному суверенитету, к более ясному выражению народной воли? С этого времени, когда санкюлоты одной секции бывали побеждены, то под предлогом «совместного заседания» они призывали на свою помощь санкюлотов других секций. Благодаря этому совершенно сводились на-нет победы умеренных в той или иной секции, ибо только что побежденные санкюлоты к следующему же заседанию всегда могли привести из союзной секции число единомышленников, вполне достаточное для того, чтобы недавние победители на этот раз оказались уже побежденными».

Другим средством, помогавшим «патриотам» в их борьбе с «умеренными», были так-называемые революционные комитеты. Во второй части этой книги мне придется подробно говорить об этих учреждениях; сейчас же я только отмечу, что комитеты эти были исполнительными органами секций, в руках которых был сосредоточен целый ряд функций полицейского характера, между прочим выдача гражданам так-называемых «сертификатов сивизма», т.-е. удостоверений о политической благонадежности. Избранные еще до натиска умеренных на секции, комитеты эти в громадном большинстве своем состояли из якобинцев и вполне понятно, что, не прибегая даже к более реальным действиям, одной лишь угрозой невыдачи сертификата (что грозило целым рядом очень крупных неприятностей, вплоть до ареста в качестве «подозрительных»), революционные комитеты могли заставить умеренных отказаться от попыток захвата власти.

Третьим фактором, содействовавшим победе якобинцев, была Коммуна, постоянно вмешивавшаяся в жизнь секций в лице специально посылаемых комиссаров, которые при помощи арестов и других репрессивных мер, направляемых против умеренных, также значительно помогали победе якобинцев.

Результатом всех этих обстоятельств явилось то, что натиск жирондистов на секции был отражен, а озлобленные борьбой якобинцы начинали все более и более определенно требовать изгнания жирондистов из Конвента, тем более, что утверждение об измене друга жирондистов ген. Дюмурье, бывшее еще в марте лишь мало-обоснованным предположением, к началу апреля сделалось уже твердо-установленным фактом. Наконец, было еще (правда, возникшее несколько позже) одно обстоятельство, толкавшее парижскую демокра-

тию к борьбе с жирондистами, обстоятельство, так сказать, чисто материального характера. Дело в том, что в это время заседания секций, как мы уже знаем, происходили каждый день и начинались около 6 час. вечера. Вполне понятно, что рабочие, занятые своим делом (надо иметь в виду, что рабочий день в то время был очень продолжительным и оканчивался во всяком случае позже этого времени), либо не могли совсем присутствовать на заседаниях, что, конечно, облегчало возможность победы умеренных, либо ради заседания должны были жертвовать частью своего и без того скудного заработка. И вот, учитывая это обстоятельство, Робеспьер в произнесенной им 8 мая в Конвенте речи потребовал установления особой платы в пользу рабочих, присутствующих на общих собраниях секций, но жирондистское большинство Конвента отвергло это предложение. Ясно, что это могло только усилить ненависть секционных демократов, тем более, что низвержение жирондистов, желательное для них раньше лишь по соображениям политическим, с этого момента стало необходимым и для удовлетворения их материальных нужд.

По всем этим причинам, выступления отдельных секций против жирондистов, начавшиеся еще в марте, в апреле сделались особенно многочисленными, а делегация, явившаяся во главе с мэром Парижа Пашем 15 апреля в Конвент требовать изгнания 22 депутатов жирондистов, действовала уже от имени целых 35 секций.

Теперь не хватало лишь одного—органа, который бы мог объединить секции и дать им организацию, необходимую для совершения переворота, и с этого времени создание такого органа стало основным вопросом момента.

Центральное Бюро Сношения, образованное 27 июля 1792 г. и имевшее, впрочем, лишь совещательное значение, было упразднено после 10 августа, и вскоре после этого начались попытки отдельных секций образовать новый орган (такие предложения делались 5 сентября секцией Пантеона и 15 января секцией Гравилье), должностующий объединить секции и служить их исполнительным органом, но попытки эти, в то время бывшие еще преждевременными, неизменно терпели неудачу. Так, в частности, было и с собранием секционных комиссаров, состоявшимся (по предложению секции Прав Человека от 27 марта) 1 апреля в помещении епископства, объявившим себя «центральным собранием общественного спасения и сношения со всеми департаментами республики для охраны народа» и пригласившим собрание выборщиков города Парижа и кантонов парижского департамента прислать своих делегатов. Правда, это собрание сперва было встретило поддержку со стороны Коммуны, в заседании 1 апреля даже ассигновавшей средства на его расходы, но после того, как якобинский клуб и собрание выборщиков департамента решительно высказались против него, а секции Гравилье, Арсен, Арсенала, Марэ,

Майль, Борепера и Красного Креста ¹⁾ отозвали из собрания своих делегатов, Коммуна переменяла свою точку зрения, и собрания в епископстве временно прекратились.

В тот же самый день, когда, отозвав своих представителей, она как бы выразила этим свое недоверие собранию в епископстве, секция Гравилье выступила с новым предложением—образовать собрание делегатов не от общих собраний секций, а от их революционных комитетов. Не встретив сочувствия со стороны Коммуны, секция Гравилье обратилась в Конвентский комитет общей безопасности, который одобрил это предложение и 4 апреля разослал революционным комитетам приглашения прислать делегатов на собрание, которое имело состояться на следующий день. Собрание это, по мнению комитета Общей Безопасности, не должно было носить случайного характера, а должно было послужить началом для образования Центрального Комитета, содержимого на средства Коммуны и заседающего два раза в неделю, причем ни один делегат (носивший звание революционного комиссара) не мог присутствовать на заседаниях Комитета более двух раз подряд.

Впрочем, этот Центральный Революционный Комитет просуществовал лишь очень недолго, а собрания делегатов секций и их революционных комитетов, состоявшиеся за это время по целому ряду случайных поводов (большой частью в помещениях секции Общественного Договора), не носили организованного характера и были чисто случайными. Но если раньше, в начале апреля, когда большинство секций еще не были готовыми к борьбе, создание центрального органа секций было преждевременным, то теперь, в мае, когда дело совершенно изменилось, образование такового являлось вопросом первой необходимости. В той или иной форме, но он не мог не появиться—и, как результат этой необходимости, в десятых числах мая возобновились собрания в епископстве, прекращенные в начале апреля по требованию Коммуны.

Не имея возможности, вследствие создания в это время Комитета Общественного Спасения при Национальном Конвенте, по прежнему именоваться «общим собранием для общественного спасения» и желая, вместе с тем, казаться как бы продолжением прекратившего к этому времени свое существование Центрального Революционного Комитета (о котором я только что упоминал), организация епископства приняла это последнее наименование. Что же касается Коммуны, то на этот раз она, не поддерживая открыто Центрального Комитета, но вместе с тем, желая содействовать объединению секций, постановила созвать в помещении того же епископства собрание делегатов общих собраний и комитетов секций, имевшее задачей рассмотрение вопроса

¹⁾ Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur», t. VII, p. 22.

о распределении между отдельными лицами принудительного займа—с богатых, согласно изданного в это время закона о производстве такового. Совершенно ясно, что эти два собрания представителей одних и тех же учреждений—секций—не могли не объединиться между собой и таким образом одно из них—легальное—должно было покрыть своим авторитетом другое—революционное.

Наряду с этим продолжались и случайные собрания представителей секций, и на одном из них—собрании членов 36 или 37 рев. комитетов, имевшем место 19 мая в здании мэрии, совершенно открыто раздавались призывы к убийству 22-х депутатов-жирондистов.

Если таким образом у якобинцев все было совершенно готово к нападению, то вместе с тем совершенно ясно, что жирондисты не могли оставаться немymi зрителями всего происходящего, а, напротив того, со всей энергией отчаяния, еще раз попытались завладеть положением. Вот почему общие собрания секций двадцатых чисел мая ознаменовались грандиозными скандалами, нередко кончавшимися нанесением друг другу побоев и ран. В предупреждение этих неистовств, Директория Парижского Департамента издала регламент, согласно коему граждане, входившие на заседания секций, не должны были иметь при себе палок или оружия, а Национальный Конвент принял 24 мая декрет, запрещавший участие посторонних на секционных собраниях и гласивший, что эти собрания должны заканчиваться не позже 10 час. вечера, причем председатели секций делались лично ответственными за исполнение этих постановлений. Смысл этого декрета был очевиден—с одной стороны, он стремился устранить (конечно, на пользу жирондистам) те союзы секций, о которых я упоминал выше, с другой же стороны, Конвент надеялся, что, предписав окончание собраний к 10 час. вечера, он лишит возможности участвовать в работе секций тех многочисленных рабочих, которые освобождались лишь позже этого часа. Но Конвент ошибся в расчете, и декрет имел результат, диаметрально-противоположный тому, на который был рассчитан—«умеренные» граждане, выставявшие на вид свое законопослушание, действительно покидали собрания после 10 час. вечера, а «санкюлоты» преспокойно оставались дольше и, получив большинство, проводили уже без всякого сопротивления все желательные им постановления. А те из них, которые не хотели прибегать к явному ослушанию, придумали остроумный обход закона—во многих секциях (инициатива была сделана 27 мая секцией Ломбар) были образованы так-называемые «секционные общества». «Общее собрание» секции закрывалось ровно в 10 час., как того требовал закон, но после этого начиналось заседание «секционного общества», причем суть дела, конечно, не менялась от перемены названия.

Около недели тянулась яростнейшая борьба; секции, как крайние, так и умеренные, обращались к Конвенту и друг к другу с бесконеч-

ным числом требований и предложений (следует отметить, прочитанное 26 мая в Конвенте требование 16 секций об освобождении арестованного Конвентом Эбера), но к 26 мая победа внутри секций окончательно склонилась на сторону якобинцев. И, победив внутри секций, последние поспешили начать активные действия и во вне. Центральным Революционный Комитет избрал особую Комиссию (Шестую по преобразованной в Комиссию Девяти), занявшуюся организацией восстания, а вечером 30 мая было постановлено назначить восстание на следующий день. Впрочем, как известно, восстание 31 мая (которое началось тем, что делегаты Центрального Революционного Комитета, действовавшие от имени 33 секций, распустили Коммуну, но, впрочем, немедленно же восстановили ее в правах именем революционного народа) окончилось неудачей, и лишь через два дня, 2 июня, Конвент вынужден был, уступая силе, декретировать исключение из своей среды 22-х жирондистских депутатов.

Теперь перед нами встает чрезвычайно интересный вопрос о степени участия, принятого в событиях 31 мая—2 июня отдельными секциями Парижа. К сожалению, ответить на этот вопрос очень трудно. Если, по отношению к 10 августа, блестящие труды Саньяка и Бреша вполне ясно выявили поведение отдельных секций, то по отношению к 31 мая—эта работа еще впереди. Впрочем, эта работа чрезвычайно затрудняется отсутствием источников—Центральный Революционный Комитет никаких протоколов не вел, а из протоколов отдельных секций сохранилось далеко не все.

Я уже упоминал, что комиссары Центрального Революционного Комитета, распустившие Коммуну, действовали от имени 33 секций, приславших в Епископство своих делегатов, снабженных неограниченными полномочиями для спасения государства. Вот названия этих секций: Арси, Бонди, Тюильери, Северного Предместья, Пантеон, Гренельского Фонтана, Единства, Гравилье, Кенз-Вен, Поппинкур, Марсельская, Соединения, Монмартрского предместья, 92-го года, Республики, Монблана, Рынка, Хлебного Рынка, Монтрейль, Пик, Друзей Отечества, Общественного Договора, Марэ, Бони-Нувелль, Люксембург, Нового Моста, Санкюлотов, Тампля, Арсенала, Бон-Консейль, Ломбар, Прав Человека, Сите. Но спрашивается, насколько можно считать достоверным это официальное заявление, сделанное притом в момент острой борьбы, и действительно ли все перечисленные секции принимали участие в свержении жирондистов, дав своим комиссарам неограниченные полномочия для спасения отечества?

Решительно отрицательно отвечает на этот вопрос знаменитый историк революции Мишле, имевший под руками относящиеся к этому времени протоколы 41 секции (дело в том, что Мишле писал до 1871 г., когда значительная часть секционных протоколов погибла во время

пожара Архива Полицейской Префектуры, сопровождавшего усмирение Парижской Коммуны). Вот, что он говорит по этому поводу:

«Лишь пять протоколов указывают на неограниченные полномочия (секции Хлебного Рынка, Арси, Арсенала, Прав Человека, Санкюлотов или Ботанического Сада). Я присоединяю сюда три, указывающие на неограниченные полномочия лишь в сомнительной форме или слишком поздно, по окончании событий (секции Ломбар, Нового Моста, Бонн-Нувелль). Пять секций, протоколы которых умалчивают о неограниченных полномочиях, их несомненно дали (Монмартрская, Четырех Наций, Рынка, Бобург и Кенз-Вен). Прибавим еще две секции—Гравилье и Люксембург, протоколов которых у меня не имеется, но мнение коих хорошо известно. 4 секции отказали—Мельничного Холма, Мон-Блана, Инвалидов и Финистер (Гобелены). 14 секций ¹⁾ отказали в вежливой форме, дав полномочия лишь для обсуждения или составления петиции».

Впрочем, вряд ли можно вполне согласиться со скептицизмом Мишле. Мы видели выше, что уже 15 апреля изгнания жирондистов требовали целых 35 секций, а, по признанию самого же Мишле, делегация, явившаяся 27 мая в Конвент с требованием об освобождении Эбера, действовала от имени 28 секций. В громадном большинстве имевших место за последние дни мая секционных выступлений мы неизменно встречаемся с более или менее однородным числом около 30 секций, и потому, в конечном итоге, следует признать, что если утверждение комиссаров Центрального Революционного Комитета и было преувеличено, то вряд ли очень значительно. Впрочем, все эти утверждения имеют пока что, чисто гадательный характер, и, как я уже отметил, точное изучение роли секций в событиях конца мая и начала июня, а также составление политической карты Парижа этого времени (подобно тем, которые для 10 августа дали Саньяк и Бреш) составляет еще задачу будущего, надо надеяться, ближайшего.

IV.

2 июня, окончившееся изгнанием жирондистов из Конвента, не принесло с собой секциям полного успокоения. Умеренные, хотя и побежденные, остались там в довольно значительном количестве и продолжали вести упорную борьбу, приводившую иногда к довольно крупным осложнениям. И вот после беспорядков, разыгравшихся в Париже благодаря интригам умеренных в начале сентября 1793 г., Конвент издал 9 сентября закон, который должен был внести в деятельность секций значительное успокоение.

¹⁾ К сожалению, Мишле не указывает, какие именно.

Мы видели выше то затруднительное положение (отмеченное Робеспьером еще 8 мая), в котором оказывались рабочие, желавшие посещать секционные собрания—и вот закон 9 сентября ввел две реформы, рассчитанные именно на то, чтобы облегчить рабочим возможность присутствовать на заседаниях секций. Во-первых, согласно этому закону, общие собрания секций, бывшие ранее (начиная с 25 июля 1792 г.) перманентными, т.-е. фактически ежедневными, отныне должны были иметь место лишь два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам. Во-вторых, закон этот вводил оплату (в размере 2 ливров за заседание) всех рабочих, присутствовавших на заседаниях секций—вполне справедливое вознаграждение за то время, которое они благодаря этому теряли.

Стремление закона 9 сентября было вполне ясно. Являясь ответом на единодушное желание народа, он вместе с тем имел и вполне определенную практическую цель—дать рабочим большинство в секциях и тем сделать невозможными имевшие место до этого контрреволюционные интриги умеренных. Но закон 9 сентября был направлен не только против умеренных—он имел еще одно назначение. Мне приходилось уже отмечать, что оппозиция якобинцам шла не только справа, от умеренных, но и слева, от «бешеных». И оппозиция эта не прекратилась после 2 июня, которое казалось бы могло удовлетворить «бешеных»—25 июня вождь бешеных Жак Ру явился в Национальный Конвент во главе делегации от секций Гравилье и Бонн-Нувелль и прочел резкую петицию, обвинявшую Конвент в том, что он дал Франции свободу только политическую, но не социальную и в частности не принял достаточных мер для борьбы со спекулянтами, вызывавшими вздорожание предметов первой необходимости.

И вот, как правильно отметил Жорес в своем анализе закона 9 сентября, «этим же ударом были поражены находившие опору в самой своей экзальтации «бешеные», которые, часто посещая секции, проводили там иногда свою волю. Это бурное меньшинство было бы затоплено широким народным морем. «Бешеные» это хорошо поняли, и несколько дней спустя Варле пришел от их имени с протестом, называвшим эту меру унижительной для народа и гибельной для свободы ¹⁾».

Впрочем, как оппозиция бешеных против закона 9 сентября, так и их более поздние выступления, включая сюда даже попытку восстания весной 1794 г. (в котором приняло участие лишь очень небольшое число секций), не имели существенного значения и являются в истории парижских секций лишь мимолетными эпизодами, на которых не стоит подробно останавливаться. Да это и понятно—

¹⁾ «La Convention», t. II, p. 1676.

«бешеные», опиравшиеся лишь на незначительное по количеству пролетаризирующееся население промышленного центра Парижа, не имели (в противоположность жирондистам и якобинцам) глубоких корней и потому не могли представлять мало-мальски внушительной политической силы.

После закона 9 сентября, внесшего в секции значительное успокоение, жизнь их получила (вплоть до 9-го термидора) совершенно новый характер. Из секций был устранен момент борьбы—как внутри, так и во вне, ибо бороться было не с кем—никакого врага (по крайней мере в данный момент) налицо не было. Вместо органов политической борьбы, секции превратились в орган революционного строительства и, в полном согласии с этим, центр тяжести с общих собраний секций перенесся на их революционные комитеты, как органы по существу своему исполнительные.

Именно эти последние, в противоположность потерявшим всякое значение общим собраниям, послужили важным звеном в общей цепи органов революционного правительств, и поэтому Конвент был вполне последователен и лишь санкционировал естественное положение вещей, когда изъясил революционные комитеты из подчинения секциям и подчинил их сперва Коммуне, а затем конвентским комитетам (Общей Безопасности и Общественного Спасения)¹⁾.

Однако, это изменение характера секций, явившееся лишь результатом естественного течения событий, вместе с тем оказалось для революции роковым. В лице секций с исторической сцены сошел величайший орган революционной борьбы, и когда, совершенно неожиданно, вновь явилась потребность в таком органе—его налицо не оказалось, а заменить было нечем. Отсюда—поражение революции 9 термидора.

Вопрос об участии секций в перевороте 9-го термидора долгое время представлялся спорным, и два таких крупных историка революции, как Мишле и Луи Блан, приходили по этому вопросу к диаметрально-противоположным выводам, хотя оба, впрочем, чрезвычайно преувеличили число высказавшихся за Коммуну секций. Лишь благодаря недавним трудам русского исследователя Французской революции, проф. Н. И. Кареева²⁾, пользовавшегося не протоколами Коммуны, в которых число высказавшихся за нее секций было сильно преувеличено, а протоколами самих секций, в настоящее время представляется возможным вполне разобраться в поведении секций в этот, столь трагический для дальнейшей судьбы революции, день.

¹⁾ Об этих законах будет подробно рассказано во второй части настоящей книги.

²⁾ «Неизданные протоколы парижских секций 9-го термидора II года», СПб. 1914, и «Роль парижских секций в перевороте 9-го термидора», Пгр. 1914. К этим книгам я отсылаю всех желающих поближе познакомиться с ролью секций в перевороте 9-го термидора.

Я не буду подробно останавливаться на фактическом описании событий этого дня. Напомню только, что когда, после бурного заседания, вызванного новыми угрозами Робеспьера по адресу контр-революционеров, большинство Конвента, уставшее от долгого террора и напуганное возможностью новых проскрипций, декретировало арест Робеспьера и его ближайших соратников—робеспьеристская Коммуна объявила себя в состоянии восстания и призвала секции и их революционные комитеты на свою помощь. К той же мере прибеги и Конвент и, таким образом, исход дня оказался опять, как это уже было 10 августа и 2 июня, в зависимости от поведения секций и их комитетов. Каково же было это поведение?

Что касается революционных комитетов, то вполне понятно, что члены их, назначавшиеся в это время комитетами Конвента и бывшие у них в подчинении, решительно высказались за Конвент, а не за Коммуну, что было естественным выводом из новой организации революционных комитетов. Но даже и общие собрания секций, тех самых секций, которые 2 июня 1793 г. не побоялись с оружием в руках выступить против Конвента—и те, в громадном большинстве своем, почти все, высказались за Конвент, а если немногие секции и стали на сторону Коммуны, то войска их оказались ненадежными и, не оказав сопротивления, покинули ее.

На первый взгляд это поведение секций может показаться непонятным, почти необъяснимым. Но если мы вспомним, что секции, благодаря долгому покою, отвыкли от борьбы и вообще отошли на второй план по сравнению с революционными комитетами; что члены их, привыкшие, в последнее время, к реальной работе государственного строительства и отошедшие от чисто политических вопросов, не смогли разобраться в совершенно неожиданно (в противоположность событиям 10 августа и 2 июня, подготовленным постепенно) нагрянувшем столкновении дотоле, казалось, столь дружных Коммуны и Конвента и пошли по линии наименьшего сопротивления, т.-е. за Конвентом,—если мы вспомним все это, то поймем, что поведение секций 9-го термидора явилось лишь логичным завершением их предыдущего развития. Победа якобинцев над всеми их врагами и происшедшее отсюда вырождение секций—вот, как это не может не показаться парадоксальным, ближайшая причина поражения якобинизма 9-го термидора.

V.

9 термидора и последовавшая за ним реакция, известная в истории под названием термидорианской, произвели в жизни секций крупные изменения—их общие собрания снова превратились в поле ожесточеннейшей классовой борьбы. Хотя непосредственные авторы переворота

9 термидора и стремились лишь к свержению личной диктатуры Робеспьера, но не хотели реакции—они ошиблись в расчетах, и за гибелью Робеспьера и его сторонников последовало как ее непосредственный результат, крушение самой революции. Началась реакция, и с ней вместе выползли на свет божий все те, кто до того принуждены были скрываться из страха перед гильотиной—аристократы, священники, крупные буржуа и т. д., все те, одним словом, которые ненавидели революцию и стремились к ее скорейшему окончанию. Выступив на политическую сцену, элементы эти не удовлетворились тем, что 9 термидора принесло им личную безопасность—они пожелали играть активную роль и, в поисках таковой, бросились в секции.

Снова, как в начале 1793 г., собрания секций сделались ареной ожесточеннейших схваток¹⁾, но на этот раз победа осталась на стороне контр-революционеров. Это было понятно—демократия, уставшая, измученная, выносившая в течение уже многих лет на своих плечах все дело революции и обороны страны от внешнего врага, ослабленная наступившим в это время жестоким голодом, не могла оказать достаточного сопротивления, и, к весне 1795 г., громадное большинство парижских секций оказалось во власти контр-революционеров.

Помимо этой борьбы внутри секций, термидорианская реакция ознаменовалась и другой борьбой—между секциями и их революционными комитетами. Победив в секциях, контр-революционеры сразу же ополчились против революционных комитетов, которые они считали оплотом революции. Мы уже знаем, что к этому времени революционные комитеты перестали быть выборными и члены их, ответственные только перед Конвентскими комитетами, назначались и смещались этими последними. Благодаря этому, недовольство секций их комитетами не могло иметь легального выхода, как это было в то время, когда члены последних избирались общими собраниями секций, и поэтому борьба секций и революционных комитетов ознаменовалась многочисленными инцидентами (в том числе целым рядом обращенных к Конвенту ходатайств секций о смещении их комитетов), в результате которых победа осталась, опять-таки, на стороне контр-революционеров. Декретом 7-го фрюктидора II года число революционных комитетов было сокращено до одного на четыре секции, а затем они, мало-по-малу, вообще потеряли всякое значение.

К весне 1795 г. громадное большинство секций Парижа было во власти реакционеров. Исключение составляли лишь секции предместьев (в которых рабочие имели громадное численное преобладание),

¹⁾ Стремясь успокоить разбушевавшиеся страсти и в то же время облегчить победу контр-революционеров (ибо в этот момент он больше всего боялся возвращения к власти крайних якобинцев), Конвент декретом 4-го фрюктидора II г. (21 августа 1794 г.) ограничил число общих собраний секций одним в 10 дней и отменил правило о вознаграждении присутствовавших на них рабочих.

бывшие по своему настроению чисто якобинскими. Измученные ужасным голодом, всей своей тяжестью падавшим на немущее население, и выведенные из себя вакханалиями белого террора, которыми ознаменовалось возвращение к власти так-называемых «умеренных», секции эти не могли молча смотреть на все происходящее и, рано или поздно, должны были произвести ту или иную революционную попытку. Отсюда—восстания весны 1795 года.

25-го вантоза (16 марта) Конвент издал декрет, согласно которому граждане Парижа могли получать не более, чем по фунту хлеба в день, а рабочие занятые физическими трудом—1½ фунта. Этот декрет вызвал в Париже сильное негодование, секции Обсерватории и Финистер (обе из предместья Сен-Марсо) явились в Конвент с довольно резким обращением, но были удалены, а напуганный Конвент стал обсуждать проект декрета, направленного против возникновения беспорядков. Узнав об этом, две секции из Сент-Антуанского предместья—Кенз-Вен и Монтрейль—явились 1-го жерминаля в Конвент и обратились к нему с петицией, составленной в очень умеренных выражениях и просившей о немедленном введении в действие конституции 1793 г.¹⁾ Но в дело вмешались контр-революционные секции и разогнали палками обравшийся около здания Конвента народ.

Между тем, продовольственные затруднения продолжались. 7-го жерминаля населению была выдана только половина установленного хлебного пайка, но было обещано, что остальное будет выдано вечером. Несмотря на это обещание, в секции Гравилье произошло в этот день бурное заседание, бывшее формально незаконным, так как этот день не был декадным, а депутация секции даже явилась в Конвент с требованием хлеба, но как депутация, так и само собрание были разогнаны войсками реакционных секций. Однако, продовольственное положение не было улучшено и, несмотря на сопротивление контр-революционеров, революционное движение не только не ослабевало, а усиливалось. 12-го жерминаля секции Сент-Антуанского предместья и некоторые другие направились в Конвент с требованием «хлеба и конституции 1793 года», но контр-революционные секции разогнали манифестантов, а заседание, устроенное в тот же день в секции Кенз-Вен, было закрыто регулярными войсками под командой генерала Пишерю.

Революционные попытки начала жерминаля только озлобили контр-революционеров и вызвали усиление белого террора (в частности казнь бывшего прокурора революционного трибунала Фукье Тенвилля), а демократические секции, видя это, поняли неизбежность

¹⁾ Конституция эта, чрезвычайно демократическая, была принята в 1793 году, но введение ее в действие было отложено до окончания войны.

дальнейшей борьбы и стали готовиться к новому выступлению. Желая бороться с этим движением, Комитет Общей Безопасности созвал на утро 1-го прериаля заседания секций, но еще за несколько часов до назначенного времени демократические секции вооружились и вышли на улицу. Демонстранты ворвались в Конвент, были изгнаны из него войсками реакционных секций, но, получив подкрепление, снова вторглись в зал заседаний. Произошел сильный беспорядок, во время которого (повидимому случайно) был убит депутат Фери, но в конце концов победа осталась за реакционерами, и демонстранты были разогнаны. Впрочем, в следующие дни волнение продолжалось — секции Сент-Антуанского предместья объявили себя в состоянии восстания и стали укрепляться, но, окруженные регулярными войсками, были вынуждены капитулировать и подчиниться Конвенту.

Восстание первых чисел прериаля вызвало острый взрыв реакции. Изданный в тот же день декрет Конвента предписывал всем секциям Парижа, которым даже, специально для этой цели, была предоставлена, впрочем лишь на несколько дней, перманентность, произвести разоружение «убийц, кровопийц, воров и агентов тирании, предшествовавшей 9-му термидора», а относящиеся к этому времени протоколы секций ¹⁾ показывают нам все ужасы преследований, разразившихся в эти дни не только над «террористами», т. е. участниками сентябрьских убийств и восстаний 31 мая—2 июня и бывшими членами революционных комитетов, но вообще над всеми лицами, имевшими к якобинцам какое бы то ни было, хотя самое отдаленное, отношение. Но, не удовлетворяясь этим, целый ряд секций, как, например, Арси и Гренельского Фонтана, обратились к Конвенту с адресами, в которых упрекали его в недостаточно энергичной борьбе с «злодеями» и «мятежниками». Реакция в парижских секциях дошла до апогея, и уже через несколько месяцев жертвой ее сделался сам Конвент.

Дело в том, что, начиная с 9-го термидора и до этого времени, Конвент больше всего боялся движения слева, соответственно чему и считал своим долгом поддерживать «умеренных» в их борьбе с «террористами». Но острый взрыв реакции, происшедший после 1-го прериаля, ясно показал, что, идя путем реакции, Франция скоро докатится до восстановления монархии, чего Конвент, конечно, отнюдь не желал. И вот, поняв, что главная опасность надвигается справа, а не слева, Конвент осенью 1795 г. принял две меры, послужившие ближайшим поводом нового, на этот раз последнего, выступления парижских секций ²⁾. Во-первых, конвентские комитеты постановили осво-

¹⁾ См. Н. И. Кареев, «Неизданные документы по истории парижских секций 1790—1795 г.г.» и его же «Реакция в парижских секциях после 1 прериаля III года».

²⁾ Подробности см. Н. Кареев, «Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора», Пгр. 1915.

бодить «кровопийц, анархистов и террористов», — т. е., попросту говоря, участников демократических выступлений жерминаля и прериаля. Во-вторых, справедливо опасаясь, что новые выборы дадут победу роялистам, Конвент в изданных в дополнение к принятой им конституции (так-называемой «Конституции III года») декретах 5-го и 13-го фрюктидора постановил, что $\frac{2}{3}$ членов устанавливаемого этой конституцией Совета Пятисот должны быть избраны из числа членов Конвента. Вполне понятно, что реакционеры (а следовательно, громадное большинство парижских секций) вознегодовали — декреты 5-го и 13-го фрюктидора лишили их надежды оказаться, в результате новых выборов, у власти. И вот, когда Конвент созвал на 20-е фрюктидора первичные собрания всей Франции для вотирования конституции (постановление Конвента имело лишь значение законопроекта, и конституция, так же как оба декрета, должны были быть утверждены народом), самая реакционная из парижских секций, населенная почти исключительно крупной буржуазией, секция Лепельтье, объявив себя перманентной, приняла и разослала остальным секциям «Акт гарантии», в котором утверждала, что права всякой власти прекращаются в присутствии собравшегося народа, и приглашала все 47 секций избрать комиссаров для составления от их имени такой же декларации. Узнав об этом, Конвент запретил собрание делегатов и большинство секций подчинилось, но вместе с тем 40 из них (все, кроме более демократических секций Бон-Консейль, Общественного Договора, Братства, Гравилье, Монтрейль, Попинкур, Кенз-Вен и Французского Театра) одобрили «Акт гарантии», а часть их последовали примеру секции Лепельтье и объявили себя перманентными.

Между тем, выяснился результат голосования 20-го фрюктидора — тогда как первичные собрания всей Франции одобрили конституцию и декреты 5-го и 13-го, в Париже одна лишь секция Кенз-Вен приняла и то и другое; все же остальные секции Парижа, приняв конституцию, отвергли декреты. На первый взгляд этот результат может показаться странным, ибо мы знаем, что наряду с секцией Кенз-Вен в Париже в то время было еще несколько демократических секций, которые, казалось бы, должны были одобрить декреты. В объяснение этого нужно сказать, что голосование прошло при невероятных нарушениях свободы — из громадного большинства первичных собраний все демократы были просто изгнаны, в некоторых их даже арестовывали — вот почему декреты приняла лишь одна секция Кенз-Вен, в которой почти-что не было контр-революционеров.

Как бы то ни было, но конституция и оба декрета были приняты. 1-го вандемьера Конвент объявил их законами и постановил, что первичные собрания должны закончить свою работу к 10-му вандемьера, назначил собрания выборщиков на время с 20-го по 29-е,

а открытию законодательного корпуса—на 15-е брюмера. Вместе с тем, опасаясь выступления секций и не доверяя буржуазной национальной гвардии, Конвент стал стягивать к Парижу регулярные войска, одновременно с этим, 5-го вандемьера издал декрет, устанавливавший строгий распорядок секционных собраний.

Теперь контр-революционным секциям оставалось лишь одно—идти напролом, и вот секции Лепельтье и Французского Театра, издав декларацию, в которой требовали ареста только-что освобожденных «террористов, убийц и воров», одновременно предложили другим секциям устроить собрание выборщиков не 20-го, как это предписал Конвент, а 11-го, причем секции должны были предоставить все свои вооруженные силы на защиту этого собрания. Хотя к этому предложению и присоединились около половины всех секций Парижа, но фактически на заседании 11-го присутствовали представители лишь 15 из них, в большинстве своем секций центра Парижа—Французского Театра, Друзей Отечества, Единства, Гренельского Фонтана, Монблана, Вандомской Площади, Лепельтье, Люксембургской, Мельничного Холма, Арсенала, Брута, Бонн-Нувелль, Елисейских Полей, Прав Человека и Тюильери.

11-го вандемьера Конвент издал декрет, запрещающий собрания секций, уже избравших выборщиков (этому подчинились лишь секции Кенз-Вен, Французских Гвардейцев, Музея, Инвалидов и Терм); вместе с тем он послал войска для разгона собрания выборщиков и вооружил только-что выпущенных из тюрем демократов. Это последнее обстоятельство, в котором реакционеры увидели стремление Конвента к «восстановлению террора», окончательно вывело их из себя, и 12-го вандемьера целый ряд секций, во главе с секциями Лепельтье, Французского Театра и другими, объявили себя в состоянии восстания и стали вооружаться. Из всех секций Парижа на сторону Конвента стала только одна секция Кенз-Вен; впрочем, несмотря на это и опираясь на помощь регулярной армии, которой командовал ген. Бонапарт, Конвент вышел из борьбы победителем, и 13-го вандемьера восстание было подавлено, а секции Лепельтье и Французского Театра разоружены.

Поражение восстания означало и поражение секций—декретом 17-го вандемьера Конвент навсегда запретил какие бы то ни было собрания секций.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКЦИЙ

ВВЕДЕНИЕ.

В первой части этой книги мы познакомились с той громадной политической ролью, которую парижские секции сыграли во всех, без исключения, крупнейших событиях Французской революции 10 августа, 31 мая—2 июня, 9 термидора, 1 прериала, 13 вандемьера—все эти события, бывшие основными и главнейшими моментами революции, определившими ее течение и конечный исход, были вызваны, как мы видели, не чем иным, как той или иной линией поведения большинства парижских секций. Казалось бы, что при этом громадном значении секций в истории революции, внутренняя организация и повседневная обыденная жизнь этих органов парижского населения должны были стать предметом самого подробного и основательного изучения, ибо, лишь зная все условия жизни не только всех секций вообще, но и каждой из них в отдельности, можно понять те причины, которые вызывали то или иное поведение этих последних, а следовательно в конечном итоге и тот или иной оборот политических событий. Однако, как это ни странно, случилось как раз наоборот. Все, без исключения, историки французской революции и притом даже те, которые, подобно Тэну или Жоресу, вполне уяснили себе выдающееся политическое значение парижских секций, совершенно не обратили внимания на их внутреннее строение и жизнь. И потому, хотя историография Французской революции насчитывает уже около 100 лет существования, но первая и чуть ли не единственная книга, специально посвященная описанию организации секций, книга Меллье «Парижские секции в эпоху Французской революции», появилась лишь около двадцати лет тому назад, в 1898 году. «В противоположность тому, что было до настоящего времени,—говорит Меллье в предисловии к своей книге,—мы хотели изучить секции не на улице или у решетки Национального Собрания, но у себя дома, во время их обыденной жизни». И задача эта была выполнена автором

блестяще—на протяжении всего лишь трехсот с лишним страниц Меллье дал подробное описание организации и жизни секций, основанное при том почти исключительно на первоисточниках, т.-е. сохранившихся (к сожалению, далеко не полностью) секционных протоколах.

Однако, книге Меллье не повезло—она оставалась очень долго почти совершенно неизвестной, и лишь многочисленные, основанные также на изучении непосредственных материалов, труды русского знатока Французской революции проф. Н. И. Кареева содействовали знакомству, как, в частности, с книгой Меллье, так и с вопросом о секциях вообще. На этих-то именно источниках—книге Меллье и выше отмеченных трудах Н. И. Кареева—и основано, главным образом, все дальнейшее изложение.

I.

Первой и наиболее важной функцией, присвоенной секциям законом 21 мая—27 июня 1790 г., была функция избирательная. Как известно, законодательство Учредительного Собрания установило двухступенный способ выборов, при котором избиратели, собравшись на «первичные собрания», избирали выборщиков и лишь последние выбирали депутатов. И вот, согласно закона 21 мая—27 июня, избрание выборщиков составляло основную функцию секций, которые для этой цели собирались в особые «первичные собрания», отличные от «общих собраний» секций, собиравшихся для обсуждения каких-либо вопросов. При этом закон, считавший основной и наиболее важной функцией секций производство выборов, проводил резкую границу между собраниями той и другой категории и строго запрещал обсуждение на «первичных» собраниях каких-либо вопросов, посторонних избирательному производству. Впрочем, в начале деятельности секций, правило это далеко не всегда соблюдалось—на первичных собраниях велись прения, принимались всевозможные резолюции, и лишь в ноябре 1791 г. постановление парижского муниципалитета положило конец этому явлению.

Мы уже знаем, что, согласно законодательству Учредительного Собрания, избирательным правом обладали лишь одни «активные» граждане, вследствие чего по закону 21 мая—27 июня правом участия на первичных (так же, как и на общих) собраниях секций пользовались только последние. Но, в связи с царившей в 1790 г. общественной реакцией, «активные» граждане проявляли к выборам весьма мало интереса, вследствие чего выборы того времени—как муниципальные, так и в Законодательное Собрание—отличались чрезвычайно значительным абсентизмом избирателей.

Революция 10 августа открыла перед «пассивными» гражданами двери первичных собраний, но двухступенный порядок голосования был сохранен и для выборов в Национальный Конвент. В связи с этим, 27 августа секция Вандомской Площади, находившаяся под сильным влиянием Робеспьера, приняла постановление, согласно которому выборы в Конвент должны были быть прямыми и, лишь принимая во внимание случайные обстоятельства чисто технического ха-

рактера, допускались двухстепенные выборы. Чтобы, однако, устранить по возможности недостатки последних, избрание депутатов должно было быть произведено выборщиками не тайно, как того требовал закон, а путем открытой подачи голосов, а по окончании выборов секции, собравшись вторично на первичные собрания, должны были иметь право отвода против избранных выборщиками депутатов. Большинство секций одобрило это постановление (впрочем, на практике этот избирательный референдум, повидимому, не был произведен), а также пошли еще дальше и произвели даже избрание выборщиков путем открытого голосования, причем из списков избирателей были вычеркнуты все «контр-революционеры», т.-е. все подписавшие петиции восьми и двадцати тысяч.

27 сентября Национальный Конвент постановил, что предстоящие выборы парижского мэра и муниципалитета будут произведены тайной подачей голосов. Постановление это встретило сильнейшую оппозицию как со стороны Коммуны, так и секций, причем состоявшееся 3 октября, по предложению секции Мирабо, собрание секционных комиссаров даже обратилось к Конвенту с соответствующей петицией. Около месяца тянулись пререкания, порой довольно резкие, между Конвентом и поддерживаемыми Коммуной секциями, причем секция Мельничного Холма постановила, что «только открытая подача голосов достойна свободных людей и республиканцев», а секция Гравилье заявила, что «не потерпит, чтобы на место монархического деспотизма возник деспотизм сенаторский». В конце концов, однако, секции уступили и выборы были произведены тайным голосованием ¹⁾.

Парижская Коммуна, избранная в ноябре 1792 г., уже через месяц существования назначила новые выборы, которые происходили в декабре 1792 г. и январе 1793 г. Выборы, страдавшие сильным абсентеизмом избирателей ²⁾, благодаря усталости публики от непрерывной избирательной процедуры, происходили путем тайного голосования, хотя при этом имели место ряд неправильностей, а секция Гравилье даже прибегла к открытому голосованию. Особенно много недоразумений возникло благодаря предоставленному собранию специально избранных секционных комиссаров право отводить избранных отдельными секциями членов Коммуны. Ряд секций, избранные коих были отведены, отказались избрать вместо них

¹⁾ Подробности см. в уже цитированной книге F. Grash'a «La Commune du 10 Août 1792».

²⁾ Общее число участвовавших в выборах избирателей составляло не более 10%, а первичные собрания секций, имевших от 2 до 3-х тысяч избирателей, насчитывали по 50—60 человек; Эбер был избран членом Коммуны лишь 56-ю, а Шометт—53 голосами.

новых представителей, дело затянулось, и в конце апреля 1793 г. Коммуна постановила, что сама назначит представителей от четырех неповинующихся секций (Французских Гвардейцев, Попинкур, Памтеона и Обсерватории). Впрочем, это постановление не было исполнено, что видно из того, что 10 июня Национальный Конвент издал декрет, согласно коему все секции, не избравшие представителей в течение 15 дней, считая от ближайшего воскресенья, лишаются избирательного права, а представители их будут назначены директорией парижского департамента из числа граждан соответствующих секций. Благодаря всем этим осложнениям, выборы Коммуны, начавшиеся в декабре 1792 г., закончились лишь к 7 августа 1793 г., затянувшись, таким образом, на целых девять месяцев.

По вопросу о том, когда состоялись следующие, после только что описанных, выборы, т.-е., другими словами, когда вновь началась деятельность первичных собраний парижских секций, в исторической литературе существует серьезное разногласие. Мортимер-Терне в своей «Истории террора» высказал взгляд, что после 7 августа 1793 г. в Париже не происходило новых муниципальных выборов, так как новые члены Коммуны, взамен выбывших вследствие смерти или исключения, назначались Комитетом Общественного Спасения. Решительным противником этой точки зрения выступил Меллье, утверждающий (хотя доказательств этого, по его словам, и не сохранилось), что секции, в целом ряде случаев, сами выбирали, взамен выбывших, новых членов Коммуны, но Н. И. Кареев (в книге «Парижские секции времен Французской революции») считает взгляд Меллье мало обоснованным.

Как бы то ни было, но первые и вместе с тем последние, после осени 1793 года, первичные собрания секций, о которых сохранились сведения ¹⁾, относятся лишь к осени 1795 г., когда секции были созваны для голосования конституции III года и декретов 5 и 13 фрюктидора, а также избрания выборщиков, долженствовавших избрать депутатов нового законодательного корпуса. Как я уже указывал в первой части этой книги, при этом произошел целый ряд насилий и в некоторых секциях (Арси, Гренельского Фонтана и др.), лица, принимавшие участие в первоначальном восстании, не были допущены на первичные собрания. Что же касается самого голосования, то в этих секциях оно происходило при помощи открытой, в других же—закрытой подачи голосов.

¹⁾ Благодаря продолжительному промежутку времени, в течение которого секции не созывались на первичные собрания, абсентеизм избирателей в это время был гораздо меньше, чем раньше. На собраниях присутствовало 400—600 человек, а из 2.729 граждан секции Арси на первичное собрание явились 1.368, т.-е. около 50%.

II.

Закон 21 мая—27 июня, хотя и видел главную задачу секций в их деятельности в качестве «первичных собраний», все же разрешал секциям собираться и на «общие» собрания, но не указывал ни подлежащих обсуждению вопросов, ни срока их созыва, ни продолжительности и порядка заседаний. В начале деятельности секций общие собрания их происходили довольно редко (так, согласно протоколам секции Почт—единственной, от которой сохранились протоколы за 1791—1792 г.г.—с 4 декабря 1790 г. до 25 июля 1792 г., т.-е. дня установления перманентности, имели место всего 50 заседаний), что может быть объяснено тем, что, как я уже отмечал, в это время первичные собрания занимались, вопреки закону, обсуждением различных посторонних вопросов и таким образом как бы заменяли общие собрания. Однако, несмотря на сравнительную редкость заседаний, секции, подобно прежним дистриктам, не ограничиваясь своими муниципальными функциями, сразу же стали вмешиваться в вопросы общей политики. В октябре 1790 г. ряд секций потребовал отставки министерства; 5 ноября муниципалитет созвал посвященное обсуждению этого вопроса собрание секций, а 10 ноября Далтон выступил от имени секций в заседании Учредительного Собрания. А когда секции и в дальнейшем продолжали неоднократно вмешиваться в различные вопросы политической жизни, то Учредительное Собрание, декретом 18—22 мая 1791 г., ограничило пределы компетенции секций исключительно узко-муниципальными вопросами и ввело очень сложный порядок созыва секционных собраний. Секции, состоявшие тогда еще только из «активных» граждан, подчинялись, и за редкими исключениями (как, например, изданное после бегства короля в Варенн постановление секции Французского Театра о том, что ее национальная гвардия должна впредь подчиняться только перманентному комитету секции) деятельность секций в 1791—2 г.г. носила чисто муниципальную окраску. Впрочем, среди муниципальных вопросов был один, имевший очень большое значение—вопрос продовольственный, и секции, нужно отдать им справедливость, сделали все от них зависящее для его наиболее благополучного разрешения. В частности после того, как секции Ломбар, Моконсейль и Почт обратили внимание на плохое качество выпекаемого булочниками хлеба, специально созванное собрание делегатов секций Генриха IV, Гравилье, Бонди, Св. Женевьевы, Библиотеки, Лувра, Понсо, Красного Креста, Пале-Рояля и Ломбар потребовало созыва, для обсуждения этого вопроса, всех 48 секций Парижа. Собрание это состоялось 28 сентября 1791 года; муниципалитет представил отчет о принятых им для улучшения качества хлеба мерах, но собрание признало их недостаточными

и поручило особой комиссии выяснить личности виновных и подготовить материю для предания их суду. 10 октября это постановление было аннулировано муниципалитетом, но секции подчинились не сразу, и между ними и муниципалитетом возник ряд пререканий по этому поводу.

О деятельности секций в бурную эпоху с июля 1792 г. до июня 1793 г., когда их общие собрания, став перманентными и публичными, сделались ареной острой классово-борьбы, я уже достаточно говорил в первой части этой книги, а потому, пропуская этот период, я перейду прямо к времени, последовавшему за успокоением секций, благодаря закону 9 сентября 1793 г. Как известно, закон этот, устранив перманентность, ограничил число собраний секций двумя в неделю—по воскресеньям и четвергам от 5 до 10 ч. вечера—и ввел оплату присутствующих на секционных собраниях рабочих.

Контр-революционный историк революции Тэн, стремившийся всячески унижить деятельность секций, утверждает, что этот закон дал повод к многочисленным злоупотреблениям. «Многие рабочие,—говорит он,—всевозможные кучера, извозчики и мастеровые зарабатывают таким образом по 40 су... Явившись к началу заседания, они записываются, а затем уходят распить бутылочку, вовсе не считая себя обязанными выслушивать белиберду, которую несут ораторы. Возвратившись к концу заседания, они производят при помощи глотки, рук и ног весь требующийся шум, а затем отправляются получить свою входную карточку и заработную плату».

Точка зрения Тэна вызвала самые решительные возражения со стороны Меллье, подробно изучившего, на основании первоисточников, порядок уплаты 40 су присутствовавшим на секционных собраниях рабочим. Приводимые Меллье данные не оставляют камня на камне от утверждения Тэна и ясно показывают, что секции принимали всевозможные меры предосторожности в ограждение от могущих иметь место злоупотреблений: так, например, в секции Гравилье правом на получение 40 су пользовались лишь те неимущие, которые приходили на заседание не позже 6 час. вечера и, оставаясь до конца заседания, выходили из зала не дольше, чем на полчаса. При этом вознаграждение получали вообще лишь немногие (напр., как видно из рассмотренных Меллье денежных отчетов, в секции Французского Театра 40 су получали в среднем 89, а в секции Монблана 64 человека), и ясно, что уже по одному этому не могло происходить особых злоупотреблений.

4 фрюктидора II года (21 августа 1794 г.) Национальный Конвент изменил правило о 40 су и постановил, что заседания секций будут происходить только раз в декаду. Несколько секций (Инвазидов, Монтрейль, Монмартрская) пытались было протестовать, но неудачно—общие собрания секций потеряли уже к этому времени

всякое значение, и центр тяжести перенесся на их революционные комитеты. Все усиливавшаяся реакция окончательно подорвала значение секций—4-го прервала III года (23 мая 1795 г.) на их заседаниях было запрещено присутствовать женщинам, а декретом 17-го вандемьера II года (9 октября 1795 г.) Конвент навсегда запретил общие собрания секций.

III.

Закон 21 мая—27 июня 1790 г., придававший, как было указано выше, большое значение муниципальным функциям секций, должен был, конечно, предоставить секциям исполнительный орган,—таким являлись их гражданские комитеты, состоявшие из 16, избираемых секцией, членов. Комитеты эти, приводившие в исполнение постановления общих собраний секций, должны были, вместе с тем, служить помощниками секционных полицейских комиссаров, а также являлись как бы посредниками между секциями и муниципалитетом и иногда даже принимали (по поручению последнего) участие в раскладке налогов. Члены гражданских комитетов, носившие название секционных комиссаров, помимо участия в заседаниях комитетов, несли по очереди дежурство по секции и исполняли всевозможные поручения полицейского характера (например, присутствовали на спектаклях). Функции их, в общем, были довольно неопределенными, и гражданские комитеты часто жаловались на трудности разграничения своих функций от ведомства полицейских комиссаров¹⁾. Декретом 24 июня 1791 г. функции гражданских комитетов были расширены—им было поручено выдавать гражданам свидетельства о местожительстве и было предоставлено право посылать по два комиссара на заседания муниципалитета.

Гражданские комитеты должны были собираться не реже одного раза в неделю. В важных случаях они собирались чаще, а во время бегства короля в Варенн (т.-е. в июне 1791 г.)²⁾ и после 10 августа их заседания, довольно часто, были перманентными.

11 августа 1792 года, только-что образовавшаяся революционная Коммуна, вполне справедливо не доверявшая всем избранным при существовании ценовой системы должностным лицам, декретировала приостановку функций гражданских комитетов и всех вообще секционных должностных лиц, а 15 августа она предписала секциям

¹⁾ Хотя закон 21 мая—27 июня не давал гражданским комитетам никаких прав в области благотворительности, последняя, однако, скоро стала одной из главнейших отраслей их деятельности.

²⁾ 21 июня 1791 г. гражданские комитеты через каждые два часа посылали, для информации, комиссаров в Учредительное Собрание.

избрать новые гражданские комитеты¹⁾ из 18 членов, на которые были возложены не только их прежние обязанности, но также и обязанности прежних мировых судей и полицейских комиссаров. Впрочем, функции гражданских комитетов и после этого продолжали расширяться, и в круг их ведомства были включены столь важные дела, как выдача гражданам всяких удостоверений (в частности удостоверений о благонадежности, имевших в то время очень большое значение), удостоверений семьям солдат на право получения пособий), уплаты по счетам, раздача работникам работ по поставкам на армию, производство обысков, широкие продовольственные функции и т. д. Однако, несмотря на то, что гражданские комитеты играли таким образом в этот период своего существования самую выдающуюся роль, они почти совершенно (в противоположность появившимся несколько позднее революционным комитетам) не вмешивались в политику и не принимали никакого участия в перевороте 31 мая—2 июня.

Происшедшее осенью 1793 г. расширение прав революционных комитетов (с которыми, кстати сказать, гражданские комитеты иногда враждовали), в руки которых была передана большая часть полномочий гражданских комитетов, почти совершенно свело на нет значение последних, и они, в течение года, влачили самое жалкое существование. Лишь декрет 7-го фрюктидора II года (24 августа 1794 г.) вернул гражданским комитетам их прежнее значение, а декрет 14-го вандемьера III года (5 октября 1794 г.) снова передал в их ведение выдачу свидетельств о благонадежности. Впрочем, в этот период существования гражданских комитетов, важнейшими из подлежащих их ведению дел были дела продовольственные, причем в этой отрасли они часто сталкивались с секционными комитетами благотворительности, хотя в виду острого продовольственного кризиса работы было более чем достаточно как для тех, так и для других, и секциям пришлось даже избирать особых комиссаров по борьбе со спекуляцией.

Происшедшее в 1793—4 г.г. изменение характера секций (см. часть первую) отразилось и на их гражданских комитетах—декретами 11-го фрюктидора II года и 28-го вандемьера III года²⁾ гражданские комитеты были изъяты из ведения общих собраний секций и подчинены правительственным комитетам, в руки которых перешло и назначение их членов.

Гражданские комитеты были упразднены почти одновременно с закрытием собраний секций—19-го вандемьера IV года, но на пра-

¹⁾ Эти комитеты были избраны открытым голосованием и по абсолютному большинству голосов.

²⁾ Этот же декрет сократил число членов гражданских комитетов до двадцати.

ктике просуществовали еще некоторое время, будучи необходимыми для раскладки принудительного займа.

В противоположность членам революционных комитетов и рабочим, присутствующим на общих собраниях секций, члены гражданских комитетов до начала 1794 г. не получали за свой труд никакого вознаграждения. Это вызывало вполне справедливые нарекания, и 6-го флореала II года (25 апреля 1794 г.) Конвент (под влиянием петиции Обсерватории от 20-го плювиоза) постановил, что парижский муниципалитет должен уплатить членам гражданских комитетов по 3 ливра за каждый потраченный ими для общественной пользы день, начиная с основания комитетов. Вследствие некоторых недомыслий при осуществлении этого декрета, 23-го фрюктидора II года (9 ноября 1794 г.) Конвент разъяснил, что правом получения вознаграждения пользуются лишь члены гражданских комитетов, вступившие в отправленне своих обязанностей после провозглашения республики, а, в виду чрезвычайной сложности порядка доказательства числа потраченных для общественной пользы дней, декрет 28-го вандемьера III года несколько упростил его—впрочем, лишь по отношению к прошлому, но не к будущему времени.

IV.

В августе 1792 г., одновременно с учреждением при Коммуне Комитета Надзора, такие же комитеты, имевшие целью содействие комитету Коммуны, были учреждены и в большинстве парижских секций. Хотя до нас, к сожалению, дошли протоколы лишь одного из комитетов надзора—секции Друзей Отечества, но мы, тем не менее, имеем возможность установить функции этих комитетов—они разыскивали и арестовывали бывших членов клуба фельянов и лиц, подписавших контр-революционные петиции восьми и двадцати тысяч, и вообще ведали делом борьбы с контр-революцией. Впрочем, комитеты эти, в течение зимы 1792—3 г.г., особого значения не имели, и их влияние усилилось лишь с наступившим весной 1793 г. острым взрывом классовой борьбы, когда даже секции, не имевшие прежде комитетов надзора, сознали необходимость учреждения особых органов для борьбы с контр-революцией. 13 марта секция Красного Креста постановила образовать особый комитет из семи членов, получивший название революционного, который должен был ежедневно собираться и принимать доносы против врагов республики, а когда движение стало усиливаться, Национальный Конвент (в то время, как известно, большинство его составляли жирондисты), не решаясь на открытое противодействие, решил хитростью отвести занесенный над умеренными удар. С этой целью 21 марта был издан декрет, согласно которому во всех секциях и коммунах не только Парижа, но и всей Фран-

ции, должны были быть учреждены «комитеты надзора» из 12 членов, в число которых не могли входить бывшие дворяне или священники. Могло показаться, что Конвент шел навстречу желанию секций, на самом же деле это был чистейший обман, ибо, согласно декрету 21 марта, задача этих комитетов состояла не в борьбе с контр-революцией, а . . . в надзоре за иностранцами. Дело в том, что в это время Франция находилась в войне почти со всей Европой, вследствие чего проживавшие во Франции иностранцы были подвергнуты целому ряду правовых ограничений, и вот осуществление этих-то мероприятий против иностранцев и было поручено комитетам надзора.

Но секции оказались не глупее Конвента. Они воспользовались данным им правом образования комитетов надзора, а когда, в конце марта, эти последние были учреждены, то они сейчас же вышли за пределы предоставленных им законом полномочий, в чем отчасти способствовала им Парижская Коммуна. Регламентом 4 апреля Коммуна предписала комитетам надзора арестовывать всех имеющихся документов об исполнении воинской повинности и не носящих трехцветной кокарды, а постановлением 1 мая она поручила революционным комитетам ¹⁾ совместно с комитетами гражданскими произвести принудительный набор рекрутов (для образования двенадцати-тысячной армии, долженствовавшей быть отправленной в Вандею), а также произвести раскладку возложенного на богатых принудительного займа. Все это сильно содействовало расширению функций революционных комитетов, а последние, кроме того, и сами действовали в этом же направлении и стали даже производить аресты не только иностранцев, но и французских граждан, в связи с чем Конвент 21 мая декретировал запрещение комитетам надзора именоваться революционными и превышать предоставленные им полномочия. Падение жирондистов свело на нет этот декрет, и уже летом 1793 г. права революционных комитетов были чрезвычайно широки и включали в себя функции ареста контр-революционеров и выдачи свидетельств о благонадежности ²⁾. А закон 17 сентября 1793 г. «о подозрительных» еще расширил эти полномочия, предоставив революционным комитетам право составления списков так-называемых «подозрительных» и ареста последних. Революционные комитеты,

¹⁾ Большинство «комитетов надзора» к этому времени стали именоваться, по примеру комитета секции Красного Креста, «революционными комитетами».

²⁾ Свидетельства о благонадежности выдавались лишь на непродолжительный срок и только по исполнении целого ряда формальностей и допроса о том, что проситель сделал для революции в дни 10 августа, 31 мая и 2 июня, не принимал ли он участия в контр-революционных действиях или петициях, не давал ли убежища неприсяжным священникам и т. д.

в громадном большинстве своем состоявшие из рабочих¹⁾, отнесли к этой своей новой функции с полным сознанием ее важности и с такой энергией принялись за борьбу с контр-революционерами, что Национальный Конвент, испугавшись слишком большого количества производимых революционными комитетами арестов, 27-го вандемьера II года (18 октября 1793 г.) вменил в обязанность революционным комитетам объяснять арестованным точные причины их ареста и предписывал им представить в течение трех дней Комитету Общей Безопасности объяснение причин всех имевших место до того времени арестов. Этот декрет вызвал со стороны революционных комитетов сильнейшую оппозицию, в результате которой он был отменен 3-го брюмера (24 октября), но несколько позднее, именно 15-го фримера II года (5 декабря 1793 г.), Конвент возобновил свое требование, и на этот раз революционные комитеты подчинились.

Я уже упоминал, что большинство членов революционных комитетов состояло из рабочих. Работа в этих комитетах, отнимавшая у их членов все их время и лишавшая их таким образом возможности заработка, ставила их в чрезвычайно трудные условия существования, и, считаясь с этим, комитет общественного спасения департамента Сены (не смсшивать с конвентским комитетом того же наименования), принимавший вообще большое участие в работах революционных комитетов и как бы руководивший ими, 12 июля 1793 г. постановил платить из секретных фондов членам революционных комитетов по 3 ливра в день. 7 августа Конвентский Комитет Общественного Спасения ассигновал для этой же цели 50.000 ливров, а 5 сентября Конвент предписал произвести эти уплаты²⁾ из сумм, полученных при взимании установленного специально для этой цели налога на богатых.

Каким органам были подчинены революционные комитеты парижских секций? Я уже указывал на комитет общественного спасения департамента Сены³⁾, руководивший (в начале их существования) деятельностью революционных комитетов, которые первоначально как бы подчинялись ему. Чрезвычайно важное изменение в положении революционных комитетов внес декрет 5 сентября 1793 г., подчинивший их Коммуне, которая даже пользовалась правом их очистки и назначения членов революционных комитетов из числа кандидатов,

¹⁾ Некоторые историки, как, например, Мишле и Луи Блан, полагают, что революционные комитеты состояли большей частью из интеллигентов, но это утверждение вполне опровергается указанием проф. Н. И. Кареева на безграмотность актов громадного большинства революционных комитетов.

²⁾ Декретом 18-го брюмера II года (8 ноября 1793 г.) плата членам революционных комитетов была повышена до 5 ливров.

³⁾ Комитет этот был упразднен постановлением конвентского Комитета Общественного Спасения от 19-го мессидора II года (7 июля 1794 г.).

избираемых секцией¹⁾, и, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении секционные протоколы, Коммуна широко использовала это право, часто отказывая кандидатам в своем утверждении. Впрочем, власть Коммуны над революционными комитетами продолжалась недолго—упомянутая выше победа революционных комитетов над Конвентом, одержанная ими 3-го брюмера, придала им смелости и они попытались освободиться от какого бы то ни было надзора. Уже через неделю после этого дня, собравшиеся в помещении Епископства делегаты от революционных комитетов 43 секций постановили произвести в один и тот же день и час повальные обыски с целью нахождения спрятанных предметов первой необходимости и ареста укрывающихся контр-революционеров, но этому воспротивились конвентские комитеты, и постановление не было приведено в исполнение. Дело в том, что еще раньше началось постепенное подчинение революционных комитетов конвентским комитетам²⁾, а когда Коммуна, стремясь восстановить свою пошатнувшуюся власть над революционными комитетами, назначила общее собрание их делегатов, Конвент, декретом 14-го фримера II года (4 декабря 1793 г.), запретил каким бы то ни было органам (а следовательно и Коммуне) созывать собрания делегатов революционных комитетов. Тем же самым декретом Конвент предоставил обоим правительственным комитетам право реорганизации и очистки всех установленных властей, и комитеты пользовались этим правом в отношении революционных комитетов в столь широких размерах, что изданный уже в эпоху термидорианской реакции закон 7-го фрюктидора II года (24 августа 1794 г.), предоставлявший Комитету Общей Безопасности право назначения и отрешения членов революционных комитетов, в сущности лишь подтверждал существовавшее и до того положение. Тот же закон сократил число революционных комитетов (состоявших по этому закону из 12 членов) до одного на четыре секции и вновь подтвердил обязанность революционных комитетов допрашивать арестованных в течение 24 часов и объяснять им причины ареста.

Впрочем, в эпоху реакции революционные комитеты перестали играть какую бы то ни было роль и хотя они продолжали существовать до брюмера IV года, с 24-го прерпала III года (12 июня 1795 г.), снова называясь «комитетами надзора», но лишены были какого бы то ни было значения и даже самым отдаленным образом не напоминали прежних революционных комитетов, члены которых в это время подвергались всем ужасам белого террора.

¹⁾ Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают ответа на вопросы о том, какой орган избирал кандидатов—общее ли собрание секции или же сам революционный комитет.

²⁾ Революционные комитеты стали входить в непосредственные сношения с Комитетом Общественного Спасения еще начиная с 25 июля 1793 г.

Такова история революционных комитетов. Переходя к оценке их деятельности, следует прежде всего отметить, что если историки Французской революции, вообще говоря, очень мало говорили о внутренней стороне жизни секций, то вопрос о революционных комитетах представляет в этом отношении исключение. Почти все историки революции довольно подробно останавливаются на деятельности революционных комитетов, причем дают ей, как этого и следовало ожидать, самую различную оценку. Я уже не говорю о контр-революционном историке Тэнсе, в котором революционные комитеты не могли, конечно, вызывать ничего, кроме ненависти. Но интересно, что даже и некоторые демократические историки революции—Мишле ¹⁾ и Олар, а также, что уже совсем странно, и историк-анархист Кропоткин, произнесли над революционными комитетами очень суровый приговор, и лишь Жюрес взглянул на дело совершенно иначе, чрезвычайно высоко оценив их положительное значение и признав революционные комитеты главным оплотом революции.

Совершенно ясно, что в сложной и обширной деятельности революционных комитетов не могли не быть налицо многочисленные темные стороны, являвшиеся результатом как неопытности их членов, бывших по большей части простыми рабочими, так и корыстных побуждений со стороны разных темных личностей, примазавшихся к великому революционному движению. Но, вполне признавая возможность таких злоупотреблений, нельзя вместе с тем, как это и сделал Меллье, не признать громадной положительной роли революционных комитетов, особенно, если принять во внимание бесконечно тяжелое положение, в котором находилась Франция в 1793—4 г.г. Я уже отмечал в первой части этой книги громадные заслуги революционных комитетов в деле борьбы с контр-революцией, и уже одни эти заслуги могли бы вполне оправдать их существование. Но, наряду с этой борьбой, революционные комитеты сделали бесконечно много в деле положительного государственного строительства, в особенности в области продовольствия и снабжения армии. Протоколы революционных комитетов (дошедшие до нас в значительном количестве) полны указаний на их многочисленные заботы по поводу снабжения населения продовольствием. Что же касается снабжения армии, то революционные комитеты заботились об изготовлении пик и другого оружия, а когда Конвент призвал граждан содействовать добыванию селитры (необходимой для изготовления пороха), в де-

¹⁾ Интересно отметить, что Мишле, крайне идеализировавший простой народ, объяснял отрицательные черты деятельности революционных комитетов их интеллигентским характером (что, как мы видим, совершенно неверно).

кабре 1793 г. в секциях были избраны особые селитренные комиссии, поставленные под надзор революционных комитетов ¹⁾. Эти комиссии (члены которых, в большинстве случаев, получали вознаграждение) проявили самую кипучую деятельность и даже организовали особые мастерские.

В связи с деятельностью революционных комитетов в области снабжения армии стоит чрезвычайно интересный вопрос о секционных мастерских. Вопрос о них настолько интересен, что заслуживает более подробного рассмотрения, и я позволю себе привести главу из книги проф. Н. И. Кареева «Парижские секции времен Французской революции», в которой он касается секционных мастерских ²⁾:

«...Наконец, к числу секционных учреждений нужно отнести основывавшиеся ими мастерские, которым Меллье посвящает небольшую главу. В первое время революции существовали в Париже благотворительные мастерские, историю которых, между прочим, рассказал недавно проф. Тарле в первом томе своего «Рабочего класса во Франции в эпоху революции». Пока существовали эти «ateliers de charité» или «de secours», секции ими очень интересовались, и некоторые из них выражали желание принимать известное участие в управлении ими, составляли списки нуждающихся рабочих, указывали на лиц, которые могли бы ими заведывать. Декрет 16 июня 1791 г. закрыл эти мастерские, и они не были восстановлены, несмотря на заявления секций о необходимости подобных учреждений. Секции вообще были озабочены тем, чтобы доставлять работу нуждающимся согражданам. Уже осенью 1790 г. некоторые из них высказывали пожелание, чтобы администрация раздавала, какие ей здесь или там вообще было нужно, работы самим же секциям, а не отдавала одному

¹⁾ После декрета 7-го фрюктидора II года, сократившего число рев. комитетов парижских секций до 12, селитренные комиссии были получены гражданским комитетом.

²⁾ Чрезвычайно любезный взгляд на характер секционных мастерских высказан Кропоткиным в его «Великой Французской революции». Мне уже приходилось указывать, что Кропоткин усматривал существование в эпоху Французской революции социализма и социалистов, и, соответственно с этим взглядом, он объясняет появление секционных мастерских существовавшим в то время стремлением к социализации промышленности. Нет надобности подробно останавливаться на опровержении этой точки зрения. Как я уже неоднократно отмечал, никакого социализма в эпоху Французской революции не было и быть не могло, и появление секционных мастерских объясняется не какими-либо отвлеченными соображениями, а просто практическими потребностями момента (в частности, стремлением секций так или иначе разрешить вопрос о безработных. о чем см. подробности в книге Е. В. Тарле, «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»).

какому-либо подрядчику или поставщику, как и позднее, после объявления войны, они просили, чтобы им были уступлены заботы по обмундировке добровольцев.

«В середине июня 1793 г. одна секция (Финистер) постановила взять дело изготовления солдатской одежды из рук прежних предпринимателей и организовать это дело по своему. Было объявлено, что оно будет передано лицам, которые внесут известный залог, наймут удобное помещение в центре секции и будут доставлять на известных условиях на дом работу гражданам и гражданкам секции и все это под надзором особых комиссаров, выбранных секцией, в последней же инстанции и самого общего ее собрания. Пожелал взяться за это дело только один предприниматель, внесший потом объявленный залог и принятый секцией, которая через своих комиссаров охраняла интересы рабочих. Как пошло это предприятие на самом деле и не было ли чего-либо подобного в других секциях, мы не знаем, но во всяком случае предприятие не было общественным: был частный предприниматель, только действовавший под надзором секции и на выработанных ею условиях. На этом, впрочем, дело не остановилось.

«9 августа 1793 г. Конвент декретировал новую организацию распределения работ по обмундированию войск. Администрация заготовки солдатского платья должна была теперь распределять работу пропорционально нуждам отдельных секций, которые и представляли этой администрации списки граждан и гражданок, преимущественно имевших право на получение работы. Так как, однако, многие жаловались на то, что работа раздается несправильно, Конвент 30 августа уполномочил военного министра увеличить число бюро, раздававших работу, и секции были приглашены выбрать по особому комиссару для надзора над раздачей и над приемом изготовленных вещей. «Из этого,—говорит Меллье,—возникла совершенно новая организация. Секция вполне заняла место предпринимателей в администрации по изготовлению платья для войск. Эти бюро, размещенные в наиболее бедных кварталах, сделались секционными мастерскими, и их близость к населению (proximité) сделала совершенно излишними каких бы то ни было посредников». 9 сентября 1793 г. общее собрание секции Инвалидов поручило двум специально выбранным комиссарам самим устроить закрытые мастерские и раздавать швейную работу на дом без всякой корысти для секции, хотя рядом с этим продолжали существовать и частные предприниматели. В феврале 1794 г. гражданки секции Инвалидов обратились к ее общему собранию с просьбой о передаче всей работы на солдат в секционные мастерские, минуя les sous-missionnaires avides qui retiennent une grande partie des façons». Секция согласилась с работницами и постановила искать поддержки в якобинском клубе: выгодой от публичных работ, сказано было в постановлении секции, должно было пользо-

ваться наибольшее число граждан, самых притом бедных и в «особенности матери, супруги, дочери великодушных воинов, жертвующих жизнью для спасения республики». Через два месяца общее собрание той же секции постановило просить администрацию по обмундированию войск учредить новую мастерскую на ее территории, а не в другой секции, имевшей меньше жителей. Из сохранившихся бумаг секции Инвалидов мы узнаем еще, что секция назначала и смещала комиссаров, заведывавших мастерскою, оплачивала их труд, определяла заработную плату, разбирала жалобы рабочих и вообще была настоящею хозяйкою предприятия.

«Рассказав историю секционной мастерской Инвалидов, Меллье продолжает: «мы не знаем, как дело стояло в других секциях, но, очевидно, тот дух подражания, та потребность в единообразии, которые мы уже столько раз отмечали, заставляли все секции, имевшие бедных, прибегать к этому остроумному способу оказывать им помощь». Меллье предполагает, например, что секция Финистер, уже бывшая более, чем наполовину, хозяйкою своего atelier, должна была взять это предприятие вполне в свои руки,—предположение, довольно вероятное, но совершенно лишнее какого бы то ни было фактического подтверждения. По части фактов, впрочем, Меллье приводит и еще кое-что. Секция Contrat Social осенью 1794 г. взяла на себя инициативу петиции о том, чтобы работы по обмундированию войск делались в секциях, а не в армии, и чтобы цены были повышены. Другой факт такой: одно «секционное общество» постановило предложить общему собранию секции назначить четырех комиссаров для проверки книг «комиссаров-закройщиков», а вывод отсюда тот, что, значит, комиссия была предприятием секционным, раз можно было предложить такое вмешательство в ее дела. Но этого, конечно, мало, чтобы сказать что-либо утвердительно.

«Меллье думает, что полного развития эти предполагаемые предприятия секций достигли в 1794 г., в разгар войны. Вместе с этим он предполагает, что если результаты были превосходны для рабочих, то администрация по обмундированию войск не всегда могла быть довольно и дурною подчас работою, и запозданиями в доставке вещей. По крайней мере, 13 июня 1795 г. (25-го прериаля III года) Комитет Общественного Спасения предписал комиссии снабжения войск упразднить закрытые мастерские и бюро для раздачи швейных работ парижской коммуны и распределять впредь заказы по обмундировке между частными предпринимателями. «Таков,—говорит Меллье,—был конец этих мастерских, которые оказали услугу парижским беднякам и непосредственное управление которых секциями являемся смелым нововведением, новой идеей в деле организации труда, мы почти осмелились бы сказать, социалистическою попыткою (un essai de socialisme), из которой были исключены «жадные патроны».

«Если бы Меллье познакомился со всем рукописным материалом, который имеется в парижских архивах, он мог бы дополнить только-что изложенную главу еще некоторыми подробностями, касающимися поставок в армию секциями предметов обмундирования. Лично мне при пересмотре секционных бумаг приходилось наталкиваться и на такие факты: секции обязывали башмачников доставлять еженедельно известное количество обуви, или для надзора за работою башмачников назначались секциями же особые комиссары и т. п.»

V.

Наряду с комитетами гражданскими и революционными, в секциях существовали еще некоторые органы, которые заслуживают рассмотрения, хотя бы и мимоletного.

Прежде всего это комитеты, известные под названиями «военных» (comité militaire, comité de guerre) или комитетов военной дисциплины. Бумаги их, к сожалению, не сохранились, и потому о деятельности этих комитетов известно довольно мало.

Национальная гвардия, образовавшаяся в Париже летом 1789 года, была разделена на 60 батальонов, находившихся в ведении соответствующих дистриктов. Закон 21 мая—27 июня 1790 года, заменивший дистрикты секциями, нарушил связь между национальной гвардией и органами парижского самоуправления, и связь эта была восстановлена только после 10 августа 1792 года (постановлением Коммуны от 13 августа и декретом Законодательного Собрания от 19—21 августа), когда парижская национальная гвардия была разделена на 48 батальонов, подчиненных 48 секциям. Результатом этого нововведения и было образование секционных военных комитетов, которые ведали оплатой и обмундированием национальных гвардейцев, обеспечением их семей, а также поддерживали постоянную связь со своими, находящимися на фронте, батальонами и тщательно следили за их поведением.

Еще менее, чем о военных комитетах, известно о деятельности комитетов земледелия, образованных во многих секциях весной 1794 года для превращения в огороды городских садов и пустошей. Известно только, что их деятельность, так же как и деятельность секционных мастерских, помимо своей непосредственной цели, имела и другую задачу—уменьшение безработицы, что и было отчасти достигнуто.

Наряду со всеми уже рассмотренными комитетами, в секциях существовали еще комитеты благотворительности. До 1793 года заведывание делом благотворительности в Париже составляло функцию тридцати трех приходских комитетов благотворительности, что вызвало сильное неудовольствие со стороны секций, требовавших

передачи этого дела в их руки. Результатом этого неудовольствия явился закон 28 марта 1793 года, согласно коему приходские комитеты упразднились и заведывание благотворительностью отдавалось в руки особой Центральной Комиссии Благотворительности, состоявшей из представителей 48 секции, по одному от каждой. По предложению этой Центральной Комиссии, в сентябре 1793 года во всех секциях были организованы подчиненные ей секционные комитеты благотворительности, состоявшие из 16—24 членов, не получавших особого содержания (что объясняется тем, что члены этих комитетов занимали в большинстве случаев еще и другие, платные, должности). Декретом 22-го фримера III года (12 декабря 1794 г.) было постановлено, что члены комитетов благотворительности будут впредь назначаться Конвентом, но закон 27-го вантоза III года (17 марта 1795 г.) восстановил их выборность. Секционные благотворительные комитеты исчезли вместе с исчезновением секций, а Центральный Комитет Благотворительности декретом 16-го флореала V года (5 мая 1796 г.) был заменен Генеральным Бюро Благотворительности.

Последним, заслуживающим нашего рассмотрения, органом парижских секций, были так-называемые «секционные общества»¹⁾, вопрос о которых вызвал в литературе некоторые разногласия. Мне уже приходилось отмечать, что после декрета 24 мая 1793 года, предписывавшего окончание общих собраний секций не позднее 10 час. вечера, и с целью его обхода, появились так-называемые «секционные общества», бывшие теми же общими собраниями секций, но лишь под другим названием. После 2 июня эти общества исчезли, но вновь появились осенью 1793 года. И вот, в решении вопроса о причинах их вторичного появления существует некоторое разногласие.

Кропоткин ставит вторичное появление секционных обществ в связь с декретом 9 сентября 1793 года, сократившим число общих собраний до двух в неделю, и объясняет таким образом вторичное образование секционных обществ той же причиной, что и первое, т.-е. желанием обойти закон об общих собраниях. В противоположность этому, проф. Н. И. Кареев обращает главное внимание на то, что в члены секционных обществ принимались не все граждане секции, а лишь особенно благонадежные, причем через каждые три месяца происходила «очистка» секционных обществ, соответственно чему и

¹⁾ Эти общества не только готовили материал для общих собраний секций, но часто даже составляли списки кандидатов в члены секционных комитетов, которые потом представлялись на утверждение общих собраний. А в секции Пуассоньер секционное общество иногда даже совсем заменяло общее собрание секции.

говорит, что секционные общества «были те же секции, но только «очищенные» от нежелательных элементов».

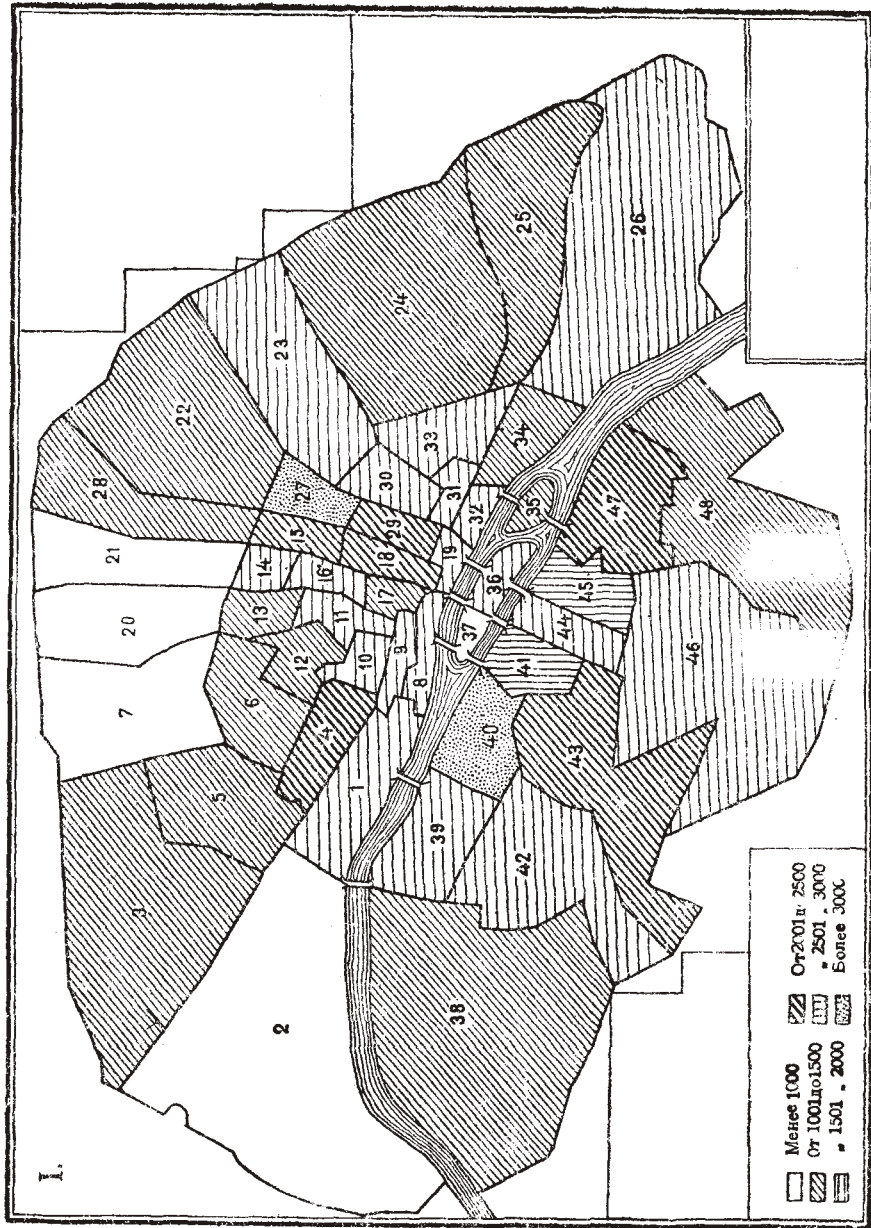
Которая из этих точек зрения является более правильной? Мне кажется, что Кропоткина, и доказательством верности его взгляда является то враждебное отношение, которое деятельность секционных обществ встретила в якобинском клубе. Это враждебное отношение, совершенно непонятное, если смотреть на секционные общества, как на «очищенные секции», станет вполне объяснимым, если принять во внимание, что якобинский клуб, бывший в то время как бы вторым правительством, не мог спокойно взирать на нарушение секциями конвентского (а ведь Конвент в то время был чисто якобинским) декрета от 9 сентября 1793 года. Как бы то ни было, но якобинский клуб и, в частности, Робеспьер относились к секционным обществам с большим недоверием, обвиняя их «в федерализме», под влиянием чего большинство секционных обществ добровольно закрылись уже в флореале II года, и лишь секционное общество секции Монтрейль просуществовало несколько дольше—до 15-го прериаля II года (3 июня 1794 г.).

СПИСОК ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ ¹⁾.

(Номера секций соответствуют номерам на картах).

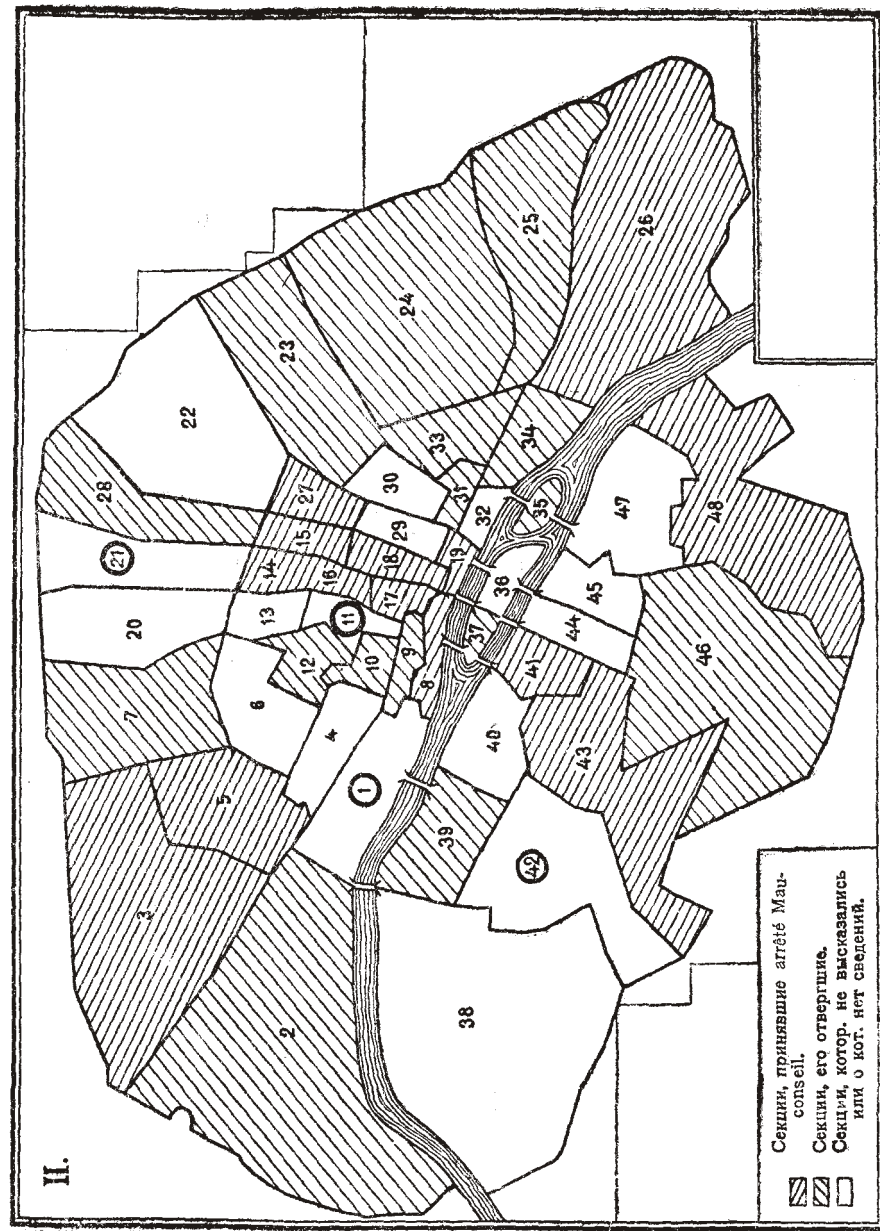
1. Тюильри. 2. Елисейских полей. 3. Руль (врем. Республики).
4. Пале-Рояль (врем. Мельничного Холма и Горы). 5. Вандомской площади (врем. Пик).
6. Библиотеки (врем. 1792 г., Лепельтье).
7. Гранж-Бательер (врем. Мирабо и Монблана). 8. Луврская (Музея).
9. Оратории (врем. Французских Гвардейцев). 10. Хлебного Рынка.
11. Почт (врем. Общественного Договора). 12. Площади Людовика XIV (Майль, Пети-Пер, Вильгельма Телля).
13. Фонтен-Монморанси (Мольера и Лафонтена, Брута).
14. Бонн-Нуvielь.
15. Понсо (Друзей Отечества). 16. Моконсейль (врем. Банконсейль).
17. Марше де Инносан (врем. Рынка). 18. Ломбар. 19. Арси.
20. Монмартрского Предместья. 21. Пуассоньер. 22. Бонди.
23. Тампля. 24. Попивкур. 25. Монтрейль. 26. Кенз-Вен. 27. Гравилье.
28. Предместья Св. Дениса (Северного Предместья). 29. Бобург (Соединения). 30. Красных Детей (врем. Марэ, Вооруженного Человека).
31. Сицилийского Короля (Прав Человека). 32. Ратуши (врем. Коммуны, Верности). 33. Королевской Площади (врем. Федератов, Нераздельности).
34. Арсенала. 35. Острова Св. Людовика (Братства). 36. Богоматери (Сите, врем. Разума).
37. Генриха IV (Нового Моста, Революционная). 38. Инвалидов. 39. Гренелльского Фонтана. 40. Четырех наций (Единства).
41. Французского Театра (врем. Марсельская и Марата). 42. Красного Креста (врем. Красного Колпака, Восточная).
43. Люксембургская (врем. Муция Спеволы). 44. Терм Юлиана (врем. Борепера, Возрожденная, Шалье, Терм).
45. Св. Женевьевы (Французского Пантеона). 46. Обсерватории. 47. Ботанического Сада (врем. Санкюлотов). 48. Гобеленов (Финистер).

¹⁾ Как список, так и карты заимствованы из книги Н. И. Кареева «Парижские секции времен Французской Революции».

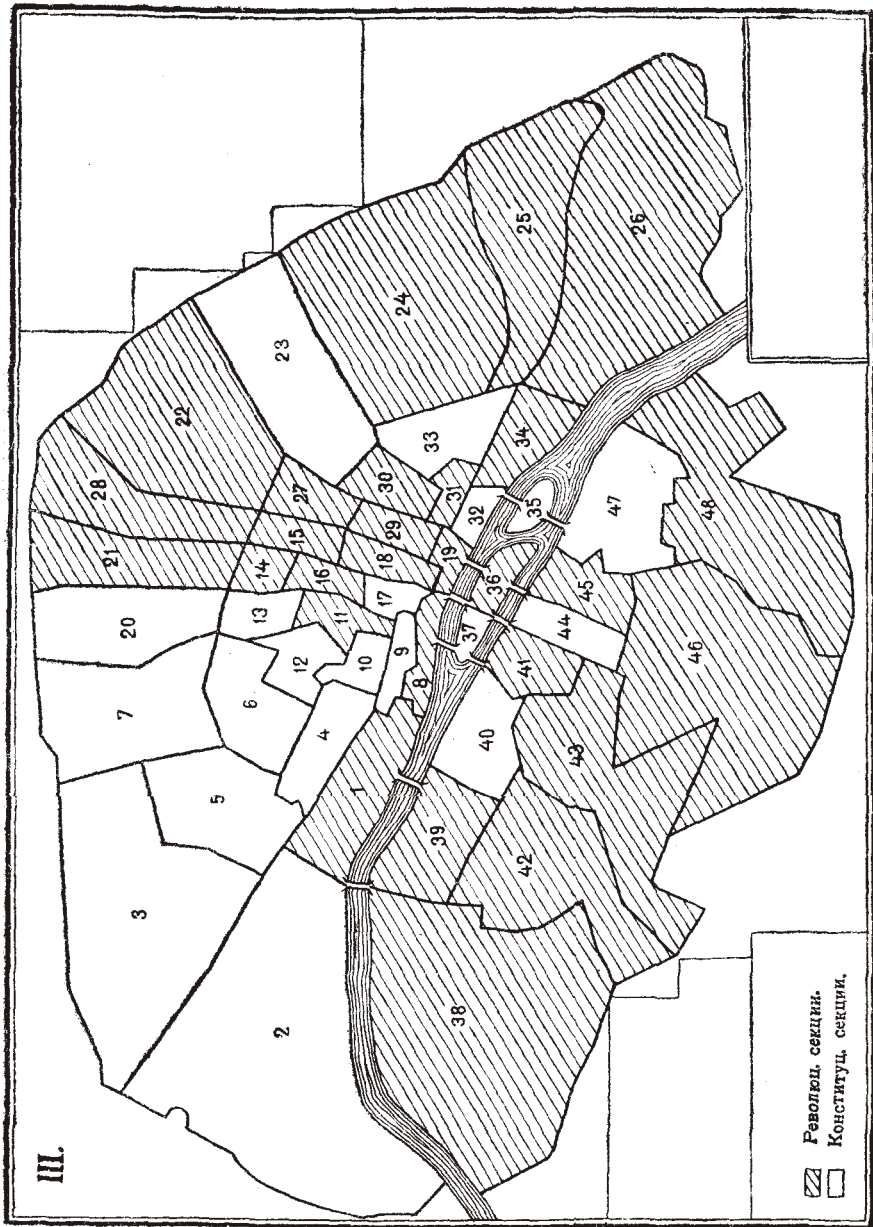

48 секций Парижа в эпоху революции.

Число активных граждан.

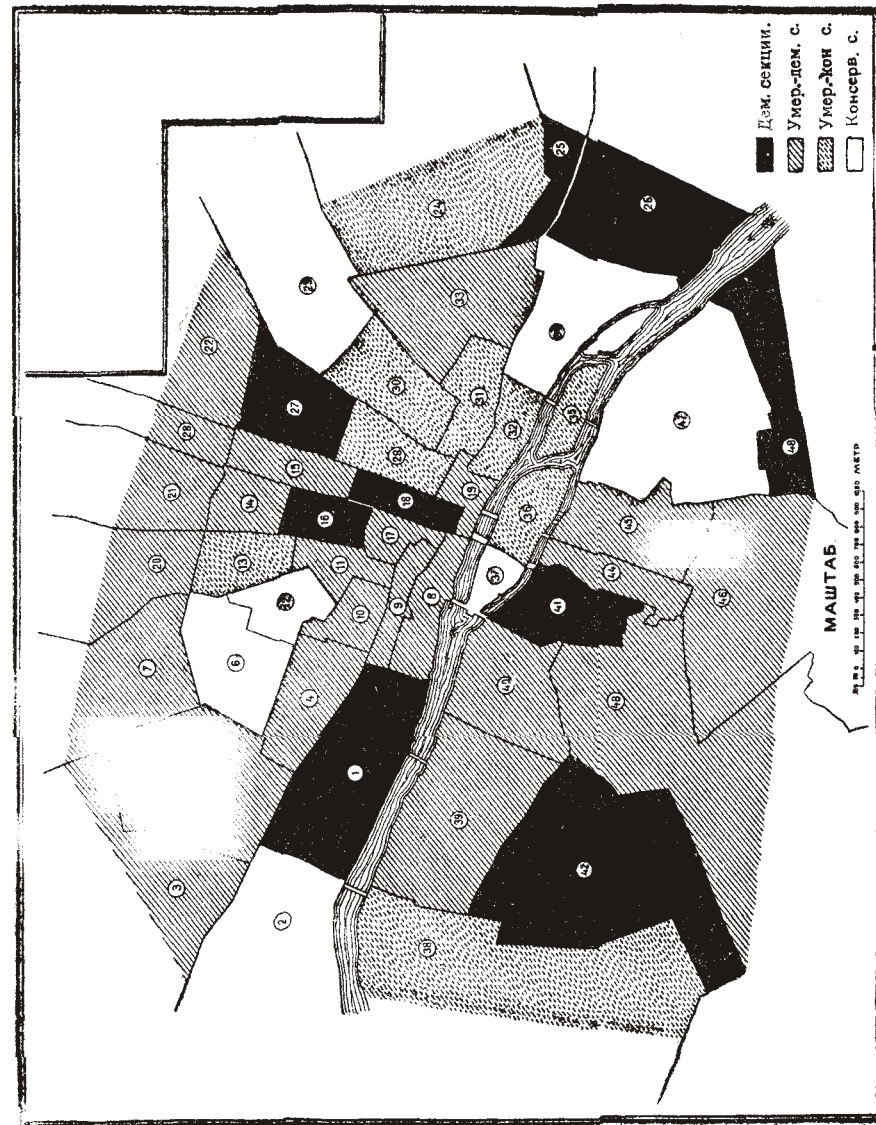

48 секций Парижа в эпоху революции.

48 секций Парижа в эпоху революции.

10 августа 1792 г. (по Sagnac'у).

IV. 10 августа 1792 г. (по Braesh'у).